ОИК
Необр.
5-й авт-

Кн.мист. стр. все.

Е. СТАШЕВСКІЙ.

НАРОДНЫЯ ВОЛНЕНІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°, Караваевская, № 5.
1912.

Многоуважаемому
А. А. Сергееву
от автора

Е. СТАШЕВСКІЙ.

НАРОДНЫЯ ВОЛНЕНІЯ

ВЪ МОСКОВСКОМЪ ГОСУДАРСТВѢ.

КІЕВЪ.
Типографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰, Караваевская, № 5.
1912.

РИК

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

798049

Опечатки, вкравшіяся въ статью „Народныя волненія“.

				Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
Стр.	5,	строк	18 свер.	разграниченнаго	разгромленнаго
„	5,	„	36 „	съ ними	съ нимъ
„	6,	„	24 „	противонарднымъ	противонароднымъ
„	6,	„	28 „	пакастѣхъ	напастѣхъ
„	7,	„	22 „	нуждалосъ	нуждалось
„	10,	„	34 „	служилымъ	служилыхъ
„	11,	„	19 „	объ урочныхъ лѣтъ	объ отмѣнѣ урочныхъ лѣтъ
„	13,	„	13 „	хотя	Хотя
„	15,	„	28 „	бралъ	дралъ.
„	17,	„	12 „	соло-вычегодцамъ	сольвычегодцамъ
„	20,	„	24 „	царъ	царь
„	22,	„	33 „	удолосъ	удалось
„	25,	„	25 „	Сабакинъ	Собакинъ
„	26,	„	18 „	результахъ	результатахъ
„	26,	„	35 „	Сабакина	Собакина
„	30,	„	22 „	дороговъ	дороговь.
„	31,	„	16 „	государь,	государя,
„	32,	„	17 „	пасхи	Пасхи
„	34,	„	29 „	одиношную	одинашную
„	35,	„	9 „	крупныя	крутыя
„	35,	„	29 „	чувствительный	чувствительнѣй
„	40,	„	19. „	голая	полая
„	46,	„	5 „	стенькой	Стенькой
„	47,	„	10 „	Сараданова	Сарафонова.

РИК

Народныя волненія въ Московскомъ государствѣ *).

I.

Послѣдствія смуты.

Смута носила характеръ политической и соціальной революціи. Это была борьба высшихъ и низшихъ классовъ населенія, но эти классы не выступали другъ

*) Литература очень не велика. Для первой части статьи, кромѣ общихъ курсовъ, могутъ быть указаны: *С. Ѳ. Платоновъ.* Московское правительство при первыхъ Романовыхъ. Журн. Мин. Нар. Пр., 1906 г., № 12; Словарная статья *Пржснякова* о патріархѣ Филаретѣ (Русскій Біограф. Словарь); *В. Алексѣевъ.* Борьба за идею законности въ Московской Руси (Научно-популярная библіотека № 8). Изложеніе волненій временъ Михаила Ѳедоровича дано по архивнымъ матеріаламъ, которыми авторъ пользовался и въ другихъ отдѣлахъ статьи. Для исторіи волненій времени Алексѣя Михайловича надо въ особенности указать: *С. М. Соловьева.* Исторія Россіи, т.т. X и XI; *Н. И. Костомарова.* Историческія монографіи и изслѣдованія, 1863 г., т. II; Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главныхъ дѣятелей, 1874 г., вып. 4. Собр. соч. 1903 г., кн. I; *Н. Ѳирсовъ.* Разиновщина, какъ соціологическое и психологическое явленіе народной жизни. Изд. „Свободнаго знанія"; *Поповъ.* Возмущеніе Стеньки Разина, „Бесѣда", т. I, тутъ же очень цѣнные матеріалы; изъ словарныхъ статей о Разинѣ статья въ Русскомъ Біографич. Словарѣ. Затѣмъ: *В. Валишевскій.* Первые Романовы, М., 1911 г. Для бунта 1648 г. имѣется рядъ мелкихъ статей, изъ нихъ см. *С. Ѳ. Платонова.* Московскія волненія 1648 г. Журн. Мин. Нар. Просв., 1888 г., № 6 и въ Статьяхъ по русской исторіи, 1903 г. Изъ матеріала для волненій 1648, 1650 и 1662 гг. надо указать: *Олеарій.* Описаніе путешествія въ Московію, 1906 г., Лейденская брошюра съ замѣткой *Б.-Рюмина* въ Историческомъ Вѣстникѣ 1880 г. № 1, но въ особенности *А. Зерцаловъ.* О мятежахъ въ городѣ Москвѣ и въ с. Коломенскомъ 1648, 1662 и 1771 гг,, М., 1890 г. и въ Чтеніяхъ Имп. Общ. Ист. и Др. Россіи, 1890 г., кн. 3. См. еще ibid, 1896 г., кн. I, также *К. Якубовъ.* Россія и Швеція въ первой половинѣ XVII вѣка (сборникъ матеріаловъ) Чт. Имп. Общ. Ист. и Др. Росс., 1898 г., кн. I и отдѣльно.

противъ друга сплоченно, компактной массой; внутри ихъ бушевалъ, внося начала розни, антагонизмъ лучшихъ, наиболѣе обезпеченныхъ и потому властныхъ элементовъ и элементовъ приниженныхъ, молодшихъ, меньшихъ людей. Въ служиломъ классѣ это была борьба непожалованныхъ съ пожалованными, въ средѣ посадскихъ міровъ борьба мелкаго посадскаго люда съ купеческой олигархіей, въ черныхъ волостныхъ мірахъ борьба меньшихъ людей—„худыхъ малоумныхъ людишекъ“ съ міроѣдами. Первые всюду стояли на сторонѣ Тушина, вторые на сторонѣ политическихъ противниковъ тушинскаго лагеря. Это широко и бурно развившееся движеніе могло привести къ глубокимъ измѣненіямъ соціальнаго строя. Но на пути его стала внѣшняя опасность, опасность потери національной неприкосновенности и единства; она, съ одной стороны, отвлекла народное сознаніе отъ задачъ внутренняго порядка, предписавъ не терпящія отлагательства задачи спасенія государства, съ другой, въ этомъ послѣднемъ фазисѣ смуты она выдвинула впередъ не молодшихъ людей, не добровольцевъ казачины,—враговъ всѣхъ политическихъ и соціальныхъ уздъ,—а людей „лучшихъ“, прожиточныхъ, тѣхъ, кому былъ нуженъ государственный порядокъ, который оберегалъ бы ихъ интересы и собственность.

Такъ, смута кончилась торжествомъ лучшихъ, экономически сильныхъ, соціально „владущихъ“ людей. Значитъ, смута не разрѣшила соціальнаго кризиса. Причины, вызвавшія его, остались и послѣ смуты; къ нимъ прибавилась еще одна—то глубокое опустошеніе въ хозяйственномъ положеніи народа, которое произвела смута. Къ этому надо добавить наблюденіе проф. Ключевскаго надъ перемѣной въ самомъ настроеніи народа. Изъ бурь смутнаго времени народъ вышелъ гораздо впечатлительнѣй и раздражительнѣе, чѣмъ былъ прежде, онъ утратилъ былую политическую выносливость, сталъ

уже далеко не прежнимъ безропотнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства.

Таково наслѣдіе смуты. Въ немъ скрывались, какъ видимъ, въ потенціальномъ состояніи зародыши новыхъ смутъ, новыхъ народныхъ волненій. На первыхъ порахъ много зависѣло отъ того, кто послѣ смуты окажется у кормила власти, кто и въ какихъ цѣляхъ, въ какомъ направленіи поведетъ правительственную политику; смягчитъ ли эта политика проявленія соціальнаго недовольства, или, наоборотъ, обострить соціальную вражду,— тогда за вихремъ смуты неминуемо должны были послѣдовать новыя бури народныхъ волненій и мятежей.

Правящая среда и правительственная политика послѣ смуты.

Правительственная политика временъ послѣ смуты не разъ подвергалась оцѣнкѣ, однако, скудость данныхъ и до сихъ поръ мѣшаетъ правильному представленію о ней. Больше свѣдѣній мы имѣемъ относительно состава правящаго круга. Въ самомъ началѣ царствованія Михаила жалкіе остатки разгромленнаго въ смуту боярства горько жаловались на то, что въ смуту всплыло наверхъ много самыхъ худыхъ людей, торговыхъ мужиковъ и дѣтишекъ боярскихъ. Этимъ они отмѣтили перемѣну въ соціальномъ составѣ правящаго круга. Однако новѣйшія изслѣдованія показали, что составъ этого правящаго круга, во-первыхъ, не былъ такъ простъ, во-вторыхъ, онъ не отражалъ въ себѣ интересовъ господствующихъ классовъ, каковыми послѣ смуты признавались средніе классы общества—служилые и посадскіе люди,—составъ правящаго круга былъ довольно случаенъ. Сюда прежде всего вошли дѣятели временнаго правительства 1612—1613 г.г., эти „перелеты“, сдѣлавшіе свою карьеру въ смутное время, и составили первый элементъ правительственнаго круга новаго царя; вторымъ элементомъ были „близкіе люди“ царя, „довѣренные дѣльцы“, на которыхъ царь могъ положиться, какъ на людей хорошо ему извѣстныхъ, связанныхъ съ нимъ старыми житейскими связями и симпатіями; третьимъ элементомъ этой своеобразной пра-

вящей кучки была родня Михаила, „зятья“, „племянники“, „шурья“. Не менѣе разнообразенъ былъ и соціальный составъ этого правительственнаго кружка: наряду съ представителями крупныхъ родовъ Шереметьевыхъ, кн. Лыковыхъ и др., мы находимъ въ немъ „обышныхъ людишекъ“ вродѣ Михалкова, Траханіотова и проч. Что касается экономическаго достатка этой новой правительственной знати, то, хотя этотъ вопросъ еще не изслѣдованъ, однако можно съ нѣкоторымъ вѣроятіемъ предполагать, что въ общемъ онъ былъ довольно значителенъ, хотя для многихъ этотъ достатокъ и былъ недавнимъ по времени, „воровскимъ“, пріобрѣтеннымъ въ смуту по происхожденію. Какъ бы ни смотрѣли на происхожденіе этого правительственнаго круга, этой новой знати „дворца и приказа“, былъ ли онъ случайно житейски сплотившимся кружкомъ, или сложился на почвѣ политической, на принципѣ партійной солидарности, несомнѣнно одно, онъ не былъ сословнымъ, его нельзя понять, какъ правительственный классъ, отражавшій въ себѣ интересы и программы господствующихъ въ странѣ сословій. Болѣе того, какъ увидимъ сейчасъ, по пріемамъ своей дѣятельности это новое правительство было не только народнымъ, но даже *противонароднымъ*. Овладѣвъ дѣловымъ вліяніемъ и преимуществами служебной карьеры, члены этого правительственнаго кружка, „*владущіе*“, какъ назвалъ ихъ безымянный авторъ псковскаго сказанія „о бѣдахъ и скорбѣхъ и напастѣхъ“, использовали доставшуюся имъ власть исключительно въ своихъ узкихъ эгоистическихъ цѣляхъ. Они составили „окаянный и злый совѣтъ..., царя ни во что же вмѣниша и не боящеся, понеже дѣтескъ сый“, всю землю русскую раздѣлили по своей волѣ и снова воздвиглись на мздоимство и насилованіе православныхъ. Такими образными чертами характеризуетъ нашъ неизвѣстный авторъ дѣятельность „владущихъ“, того правительства, за которымъ скоро утвердилась новая мѣткая кличка „*сильныхъ людей*“.

Эти сильные люди злоупотребляли своей властью въ приказахъ, на воеводствахъ, однимъ словомъ въ учрежденіяхъ центральнаго и областного управленія, на мѣстахъ же, въ мѣстныхъ посадскихъ и волостныхъ мірахъ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ, появились свои сильные люди, свои угнетатели, они выходили изъ рядовъ лучшихъ, прожиточныхъ людей. Всякій, кто имѣлъ власть, былъ близокъ къ двору или просто былъ экономически достаточнымъ, становился въ ряды этихъ сильныхъ людей Это время было временемъ анархіи силы и произвола. Ни о какой правительственной программѣ, направленной въ интересахъ среднихъ классовъ общества, здѣсь, понятно, не могло быть и рѣчи. Скорѣй эту политику можно назвать реставраціей стараго режима, гнетъ котораго нисколько не уменьшился отъ того, что на мѣсто поверженной бурей смутнаго времени боярской аристократіи стала новая знать, кружокъ „владущихъ“.

Патріархъ Филаретъ его правительственная программа.

Однако направленіе реставраціи было взято черезчуръ рѣзко, можетъ быть даже смѣло. Такая политика прежде всего не отвѣчала требованіямъ момента, государство нуждалось въ успокоеніи, въ приведеніи въ порядокъ своихъ силъ; этого требовали политическія отношенія Московскаго государства къ его сосѣдямъ, отношенія, образовавшіяся неудачами смутнаго времени,—нельзя было оставить за шведами Новгородъ, за Сигизмундомъ Смоленскъ, за Владиславомъ титулъ московскаго царя; война продолжалась, въ будущемъ предвидѣлись новыя войны—это во-первыхъ; во-вторыхъ, такая политика была опасна и въ соціальномъ отношеніи, вѣдь, отголоски смутнаго времени были еще живы. Наконецъ, хотя „владущіе“ не стремились къ формальному ограниченію власти новаго царя, такъ какъ своимъ положеніемъ были во многомъ обязаны близостью къ нему, но нельзя не замѣтить, что фактически всѣмъ заправляли они. Это прекрасно понялъ патріархъ Филаретъ, когда вернулся изъ плѣна, и когда

началось его двоевластіе съ сыномъ. Говорятъ, что этотъ русскій кардиналъ Ришельё, властный, опальчивый, началъ съ того, что во всемъ винилъ бояръ и думныхъ людей, т. е. „владущихъ“. „Царь молодъ и неопытенъ, но о чемъ же думали и что дѣлали его совѣтники? Отчего они не позаботились принятіемъ необходимыхъ мѣръ для успокоенія земли? Не оттого-ли, что разореніе и неустройство имъ на руку, такъ какъ позволяло корыстоваться около добродушнаго юноши-царя и забирать силу“? Патріархъ сразу выдвинулъ на первый планъ многіе боевые вопросы времени: вопросъ о новомъ дозорѣ, о борьбѣ съ закладничествомъ, вопросъ объ обидахъ и притѣсненіяхъ со стороны сильныхъ людей. Съ одной стороны, это отвѣчало высокому представленію патріарха о сущности царской власти, патріахъ былъ абсолютистомъ не только на практикѣ, но и въ теоріи; съ другой стороны, это входило въ ту новую программу правительства, о которой мы можемъ догадываться и которая принадлежала Филарету. Въ одной изъ грамотъ, обращенной ко всѣмъ чинамъ и сословіямъ, читаемъ: „пишемъ мы къ вамъ, милосердуя о васъ, чтобы Божіей милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны“.

Насколько правительственная программа Филарета отвѣчала дѣйствительному положенію страны.

Но эта широкая программа не могла быть осуществлена на дѣлѣ. Она вытекала изъ требованій абсолютизма и, повидимому, приняла видъ покровительства всѣмъ чинамъ государства вслѣдствіе невозможности найти въ странѣ господствующій, довлѣющій классъ, на который можно было бы смѣло опереться; кромѣ того, тутъ надо вспомнить и о томъ, что по самому своему существу, происхожденію власть новой династіи явилась въ видѣ компромисса, вынужденнаго обстоятельствами соглашенія боровшихся въ смуту различныхъ по направленію общественныхъ силъ. На

дѣлѣ интересы и стремленія классовъ были различны, иногда прямо противоположны. Классы чувствовали на себѣ общее разстройство. Большое число служилыхъ людей не имѣло съ момента кризиса никакого надѣла, большое число служилыхъ земель было обращено въ пустыню. Ограниченіе права возврата крестьянъ годами гибельно отражалось на состояніи служилаго землевладѣнія, главнымъ образомъ, мелкаго: крестьяне уходили или перевозились отъ одного владѣльца къ другому и выжидали исхода урочныхъ лѣтъ, чтобы потомъ быть безопасными отъ притязаній прежняго господина. Перевозили крестьянъ преимущественно богатые, сильные люди, крупные землевладѣльцы, въ томъ числѣ монастыри; крестьяне охотно шли въ ихъ имѣнія, такъ какъ здѣсь они подвергались меньшимъ повинностямъ, чѣмъ у бѣдныхъ. Судъ былъ въ руку богатымъ, а не бѣднымъ. Большія села увеличивались, мелкія деревушки пустѣли. Мало чѣмъ лучше было состояніе посадовъ и черныхъ волостей. Они были обременены безчисленными повинностями; сверхъ того, всѣ ихъ промыслы и занятія были обложены множествомъ разнообразныхъ пошлинъ. Система мірскаго устройства и круговой поруки, при которой повинности требовались не съ каждаго лица, а съ цѣлой общины, увеличивала тягость повинностей, а система ихъ выколачиванія отдавала населеніе въ руки всесильной и продажной администраціи. Въ частности, на благосостояніи всѣхъ посадскихъ людей дурно отзывалось плохое состояніе правосудія, монополіи царской казны, дурныя дороги, недостатокъ безопасности на нихъ по причинѣ разбоевъ. Гости, люди гостинной, суконной сотенъ и лучшіе посадскіе люди страдали отъ непосильной для нихъ конкуренціи торговыхъ иноземцевъ, привилегіи которыхъ были увеличены; середніе и молодшіе жаловались на лучшихъ, которые, пользуясь своимъ властнымъ положеніемъ въ средѣ тяглыхъ міровъ, сваливали на нихъ бремя податей,

льготя себѣ. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что въ 1627—28 г.г. умышленіемъ воеводы и дьяка дали на откупъ квасниковъ, извозчиковъ, дегтярей и банниковъ на оброкъ и площадныхъ подъячихъ; изъ другихъ грамотъ узнаемъ, что въ это время были взяты на откупъ по посадамъ сусло, брага, ботвинья, хмельное и сѣнное трушеніе, мыльное рѣзаніе, овесъ и другіе мелкіе промыслы, которыми въ городахъ живутъ, кормятся и тягло платятъ посадскіе (мелкіе) и всякіе жилецкіе люди, отъ чего посадскіе люди оскудѣли. О положеніи крестьянъ и холоповъ мы не будемъ говорить. Положеніе крестьянъ фактически ухудшалось, холопы, освободившіеся въ смуту отъ своихъ господъ, были снова разобраны по боярскимъ дворамъ. Таково было положеніе классовъ. Всѣ классы испытывали глубокое недовольство своимъ состояніемъ, требовали и ожидали отъ правительства рѣшительныхъ мѣръ, крестьяне ждали выхода и пріурочивали это ожиданіе, какъ узнаемъ изъ одного документа, къ рожденію царевича, будущаго царя Алексѣя Михайловича; холопы бѣгали съ боярскихъ дворовъ въ казаки, среди которыхъ не умирала мысль о новыхъ „Дмитрейкахъ“; мелкій служилый людъ волновался и обвинялъ правительство въ потаканіи въ крестьянскомъ вопросѣ сильнымъ людямъ: въ 1625 г. помѣстный козакъ Овдѣйко Яковлевъ говорилъ своимъ крестьянамъ, „что государь ихъ не жалуетъ, крестьянъ изъ-за нихъ велитъ выводить, и ихъ есть въ сборѣ съ 500 чел., кто изъ-за нихъ крестьянъ выводитъ, и у тѣхъ вотчины ихъ выжгутъ, а крестьянъ побьютъ и найдутъ они иного государя“. Посады и волостные міры раздирались классовой борьбой лучшихъ и меньшихъ людей; кромѣ того, интересы посадскихъ людей рѣзко сталкивались съ интересами служилыхъ людей въ вопросѣ объ областномъ управленіи: для служилаго человѣка воеводство было вѣнцомъ его служебной карьеры, средствомъ пополнить всѣми правдами и неправдами свой нерѣдко скудный

достатокъ, для посада и уѣзда воевода, наоборотъ, являлся типомъ безудержнаго эксплуататора и угнетателя.

Соціальная политика патріарха Филарета—политика палліативовъ.

При такомъ положеніи дѣлъ многообѣщавшая соціальная программа патріарха Филарета силой обстоятельствъ должна была свестись къ *политикѣ палліативовъ*, такъ какъ правительство понимало, что удовлетвореніе нуждъ и требованій одного класса неминуемо задѣнетъ другіе. Такъ, напр., велѣрѣчивыя обѣщанія и неоднократно высказываемая правительствомъ забота объ удовлетвореніи интересовъ мелкаго служилаго люда на дѣлѣ свелась къ тому, что служилое землевладѣніе не было урегулировано, такъ какъ пересмотръ правъ на это владѣніе не былъ доведенъ до конца, какъ не было закончено и другое мѣропріятіе, снятіе съ служилыхъ людей, выключеніе изъ ихъ окладовъ пустыхъ земель; наконецъ правительство патріарха Филарета не сдѣлало служилымъ людямъ уступки и въ вопросѣ объ урочныхъ лѣтъ.

Мѣропріятія правительства, направленныя противъ злоупотребленій администраціи, ихъ недостаточность.

Столь же малымъ результатомъ сопровождалась и та политика патріарха, которая была направлена противъ злоупотребленій сильныхъ людей, областной и центральной администраціи. Несмотря на убѣжденіе Филарета, что, кромѣ него и царя, сильныхъ въ государствѣ быть не должно, несмотря на учрежденіе приказа „Сыскныхъ дѣлъ“, правительству не удалось вывести изъ страны сильныхъ людей. Здѣсь программа Филарета, его абсолютизмъ, зачастую сталкивалась съ его родственными, житейскими симпатіями и связями. Самымъ сильнымъ человѣкомъ на Москвѣ былъ ближній бояринъ И. Н. Романовъ, крупный землевладѣлецъ и видный колонизаторъ южныхъ степей. О тѣхъ пріемахъ, помощью которыхъ онъ „селилъ свои слободы“ узнаемъ изъ челобитной ельчанъ „всего города“. Ельчане обвиняли боярина и его людей въ обидахъ, насильствахъ, земельномъ захватѣ, крестьянской вывозкѣ; по ихъ словамъ, люди и крестьяне боярина организован-

ными бандами человѣкъ въ 40—50 днемъ и ночью разъѣзжали по помѣстьямъ и вотчинамъ челобитчиковъ, ихъ грабили, женъ и дочерей позорили, крестьянъ вывозили и т. д. Боярскія слободы населялись, зато „весь елецкой уѣздъ запустѣлъ безъ остатку". Намъ, писали челобитчики, „въ украинномъ городѣ съ такимъ великимъ бояриномъ жити не мочно и мочи не стало, и только не будетъ государьской милости, и мы пропали безъ остатку: каково намъ было разоренье злое отъ государевыхъ недруговъ и отъ Литвы, и они насъ поплѣнили на одно время, а нынѣшнему плѣну, каковъ надъ нами плѣнъ чинитъ бояринъ Иванъ Никитичъ и конца нѣтъ, пуще намъ стало крымской и нагайской войны, во всемъ елецкомъ уѣздѣ не осталось за нами крестьянъ и бобылей третьяго жеребья". Несмотря на справедливость жалобъ, ельчане проиграли дѣло и понесли кару за то, что „огласили боярина всякими непригожими дѣлы".

Ничего не могло подѣлать правительство и съ злоупотребленіями областной администраціи. И если для болѣе ранняго времени мы можемъ указать хотя бы на двухъ мангазейскихъ воеводъ—Палицина и Кокорева, изъ которыхъ одинъ отличался тѣмъ, что прикарманивалъ подати подъ акомпаниментъ палочныхъ ударовъ, а другой заставлялъ своихъ подчиненныхъ пьянствовать ежедневно на его собственномъ кабакѣ или сажалъ въ тюрьму съ цѣлью полученія выкупа не только людей, но и ихъ собакъ, то и теперь жизнь выдвигала не менѣе яркіе типы администраторовъ. Противъ злоупотребленій областной администраціи при Михаилѣ прибѣгали къ старому средству: возстановляли грамоты Грознаго, дававшія мірамъ право судиться и рядиться выборными чиновниками; въ 1621 г. разослали циркуляръ, запрещавшій давать воеводамъ и приказнымъ людямъ посулы, поминки; въ 1627 г. рѣшили устроить во всѣхъ городахъ губныхъ старостъ, поручали послѣднимъ воеводскія функціи.

Но все оказывалось напраснымъ. Съ одной стороны, сила выборнаго управленія со старостами и цѣловальниками въ XVII в. упала, выборные оказывались грабителями не хуже воеводъ и дьяковъ, такъ что иногда воеводамъ поручалось при сборахъ охранять народъ отъ выборнаго начальства и отъ богатыхъ мужиковъ-горлановъ. Съ другой стороны, произволъ властей, кто бы онѣ ни были, объяснялся слабостью контроля свыше и отсутствіемъ внизу сильныхъ мѣстныхъ коллективовъ.

Не лучше обстояло дѣло и въ центральномъ управленіи, въ многочисленныхъ московскихъ приказахъ, хотя сидѣвшіе въ приказахъ и цѣловали крестъ „*съ жестокимъ проклинательствомъ*“ и обѣщали судить по правдѣ,—не дружить сильнымъ и друзьямъ, не брать поминковъ, но ни „*во что та вѣра и заклинательство, и наказанія не страшатся и руки свои ко взяткамъ спущаютъ*“. Правда, Масса сохранилъ намъ извѣстіе, что Филаретъ во всѣхъ вѣдомствахъ перемѣнилъ штаты и смѣнилъ служащихъ, „все къ лучшему“; но, во-первыхъ, это извѣстіе, по мнѣнію проф. Платонова, не подтверждается, во-вторыхъ, даже если бы оно и подтвердилось, то такая реформа сама по себѣ имѣетъ очень незначительную цѣнность. Причина зла лежала не столько въ лицахъ, сколько въ самомъ строѣ управленія, который покоился не на принципахъ, а на лицахъ. Лицомъ опредѣлялась подсудность, по лицамъ распредѣлялась компетенція, для лицъ дѣлались изъятія, лицамъ довѣрялись функціи. Отсюда средостѣніе между верховной властью и населеніемъ изъ людей облеченныхъ властью, отсюда своекорыстіе, мздоимство, произволъ. Вотъ этой то системы и не коснулся Филаретъ. Правда, дѣятельный, энергичный, онъ вмѣшивался въ управленіе, слѣдилъ за его ходомъ, все дѣлалось по его слову, масса дѣлъ восходила изъ приказовъ на его непосредственное рѣшеніе, этимъ въ значительной степени уменьшался произволъ, но такъ

могло продолжаться лишь при его жизни; съ его смертью непосредственное руководительство со стороны верховной власти управленіемъ окончилось, и снова началось засилье сильныхъ людей и произволъ.

Недостатокъ творческихъ идей, безсиліе правительства, такимъ образомъ, сказались и въ этой области государственной жизни. Между тѣмъ въ проектахъ реорганизаціи государственнаго строя недостатка не было. Таковъ, напр., проектъ Бутурлина, въ основѣ котораго лежитъ мысль управленія государствомъ при помощи нарочно выбранныхъ для того по городамъ „нарочитыхъ людей", составляющихъ постоянный совѣтъ при государѣ съ совѣщательнымъ и контролирующимъ дѣйствія администраціи назначеніемъ. Такому участію народа въ дѣлахъ управленія абсолютистъ Филаретъ предпочелъ систему бюрократической опеки населенія. Мы уже видѣли, что мотивы опеки были благожелательны, но опекуны оказались не на высотѣ призванія. Народъ понялъ это очень многозначительно, онъ не винилъ верховную власть въ злоупотребленіяхъ, но въ его сознаніи укоренилась мысль объ измѣнѣ правящаго класса міру.

Экономическая политика Филарета.

Болѣе удачна была экономическая политика патріарха Филарета. Въ этомъ отношеніи правительство, хотя и съ большой дозой преувеличенія, могло заявить на соборѣ 1634 г., что государство пришло „въ достоинство". Тѣмъ не менѣе внимательное изученіе эпохи показываетъ, что въ силу сложныхъ задачъ внѣшней политики, въ результатѣ которой приходилось готовиться къ войнѣ съ Польшей, проводить дорого стоившую военную реформу (наемъ иноземныхъ полковъ и реорганизація русскаго войска на иноземный ладъ), платежныя силы населенія были напряжены, предѣлъ обложенія достигнутъ. Стоившая громадныхъ денегъ неудачная Смоленская эпопея увеличила въ нѣсколько разъ это податное бремя и привела страну къ новому экономическому кризису: югъ былъ опустошенъ тата-

Экономическій кризисъ.

рами, польскими отрядами и своими воровскими шайками, промышленный, богатый сѣверъ не вынесъ легшаго почти исключительно на его плечи повышеннаго податного бремени. Тогда, по выраженію документовъ, „отъ тѣхъ великихъ наваловъ стала въ мірѣ скудость большая, и люди Божіи зашатались“. Это и было началомъ того шатанія міра, которое повело къ могучимъ встряскамъ народнаго и государственнаго организма. Соціальный протестъ на почвѣ кризиса, на почвѣ новой неудачи внѣшней политики увеличивался, принимая все болѣе активныя формы. Между тѣмъ не стало сильной, сдерживающей руки патріарха Филарета, а вмѣстѣ съ этимъ развитой имъ бюрократическій строй, потерявъ надъ собой послѣдній контроль. расцвѣлъ всѣми цвѣтами необычнаго засилья и произвола.

Расцвѣтъ злоупотребленій администраціи.

Есть свѣдѣнія, что тогда въ московскихъ приказахъ стало судиться почти невозможно, такъ какъ судьи приказовъ оказывались въ родствѣ и свойствѣ другъ съ другомъ. „Божія поспѣшенія во всемъ намъ нѣтъ“, писалъ одному монастырю его слуга: „бояринъ гораздо гнѣвенъ, споны не стало многимъ монастыремъ, не намъ однѣмъ токмо;... нашу братью деретъ нещадно: самъ указъ учинитъ, да и переговору нѣтъ снова; за кого заступы большіе, тѣмъ и дѣла чинятца“. Нѣтъ заступа, бояринъ не церемонился: приказывалъ „съ суда“ изъ приказа „выбить взашей“, а челобитныя оралъ вмѣсто правильнаго по нимъ производства. Таковъ былъ кн. А. М. Львовъ въ Б. Дворцѣ. Но были дѣльцы и почище, такіе, которые надолго остались въ памяти народной, это, главнымъ образомъ, дьяки, а позднѣе „земскій судья“ Л. С. Плещеевъ. „Плещеевщина“, говоритъ проф. Платоновъ, была такимъ же словечкомъ, какимъ вѣкъ спустя стала „бироновщина“. Она означала опредѣленную манеру административнаго хищника, пріемы произвола, однако, варьировали до безконечности. Плещеевъ, напр., по словамъ Олеарія,

„нанималъ негодяевъ для того, чтобы они ложно доносили на честныхъ людей“, и выжималъ изъ оговоренныхъ послѣдніе соки. Михаилъ Ѳедоровичъ, оставшись безъ властнаго отца, ничего не могъ подѣлать съ этимъ засильемъ администраціи. Алексѣй Михайловичъ вступилъ молодымъ на престолъ и про него въ народѣ шла молва: „государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго; они всѣмъ вѣдаютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ“.

Такимъ образомъ, правительственная политика временъ послѣ Смуты не разрѣшила не только соціальнаго кризиса, но и привела еще къ экономическому кризису и кризису въ области управленія. Причины общественнаго недовольства на лицо, теперь намъ надо раскрыть тѣ формы, въ которыя выливалось это недовольство.

II.

Формы проявленія недовольства. Волненія времени царствованія Михаила Ѳедоровича.

Ихъ было нѣсколько. Мы различаемъ среди нихъ пассивныя, сюда относятся порицанія и рѣзкая критика дѣйствій правительства, это преимущественно „неподобныя слова“; сюда же надо отнести и побѣги. Къ активнымъ формамъ надо отнести народныя волненія, мятежи Мятежи не новость царствованія Алексѣя Михайловича. Можно сказать, что огонекъ бунта вообще не замиралъ послѣ смуты. Но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ онъ вспыхивалъ и пробѣгалъ по отдѣльнымъ областямъ и городамъ государства, не сливаясь въ одно грозное пламя. Эти отдѣльные областные мятежи вызывались или злоупотребленіемъ воеводъ, или непосильнымъ податнымъ бременемъ. Въ этихъ случаяхъ выведенные изъ терпѣнія міры или рѣзко отказывались исполнять предъявленныя имъ требованія и при тревожныхъ звукахъ „всполошнаго колокола“ встрѣчали государственныхъ агентовъ „съ кольемъ, съ жердьемъ и съ ослопы“, осыпая ихъ раздраженной „лаею“, а иногда побивая на

смерть; или это были возстанія противъ воеводъ съ осадой изъ дворовъ, съ убійствомъ ихъ слугъ, приспѣшниковъ, а также обычно съ грабежемъ „животовъ“ стоявшихъ на ихъ сторонѣ лучшихъ мірскихъ людей. Примѣромъ первыхъ волненій можетъ служить бунтъ 1634 г. на Вагѣ, вызванный сборомъ пятинной деньги, выразившійся въ формѣ открытыхъ боевъ съ посланными для усмиренія стрѣльцами, но возникшій не безъ благосклоннаго участія воеводъ и при покровительствѣ управлявшаго Вагой приказа; примѣромъ волненій второго рода могутъ служить волненія у Соли-Вычегодской: соло-вычегодцамъ не везло, изъ многихъ бывшихъ у нихъ воеводъ буквально съ каждымъ приходилось прощаться ослопьемъ и краснымъ пѣтухомъ. Но все же болѣе обычной формой проявленія народнаго недовольства за время Михаила былъ побѣгъ. Отъ этихъ побѣговъ пустѣли волости и посады. Бѣжали или куда глаза глядятъ, какъ напр., бѣжала нижегородская мордва, послѣ того, какъ служилые люди захватили ихъ земли, а воеводы „пропили“ даже ихъ „колпаки“; или бѣжали въ разбой по дорогамъ,—вторая половина царствованія Михаила дѣйствительно отмѣчена громаднымъ количествомъ разбоевъ; или бѣжали къ казакамъ и въ казаки на Донъ, въ это пристанище всѣхъ недовольныхъ политическимъ, соціальнымъ и экономическимъ укладомъ. Насколько намъ извѣстно, только разъ въ царствованіе Михаила бѣгство приняло формы большого движенія. Это произошло въ годы Смоленской войны. Шайка Балаша отдѣлилась у Смоленска отъ арміи Шеина и пошла въ „шиши“; къ ней скоро пристали большія партіи яицкихъ и донскихъ казаковъ, а также „даточные“ изъ крестьянъ и холоповъ; весь этотъ сбродъ устремился на грабежъ литовскихъ городовъ, но когда поляки перешли въ наступленіе, тогда эта своеобразная армія, пополненная бѣглыми изъ городовъ и селъ холопами, крестьянами, мелкими посадскими людьми и стрѣльцами, начала

„дуванить“ южные уѣзды уже Московскаго государства. Была разбита масса помѣщичьихъ имѣній; дуванъ туманилъ головы, движеніе стало принимать формы организованнаго возстанія противъ помѣщиковъ и власть имѣющихъ. Это была прелюдія къ разиновщинѣ, она потребовала для своей ликвидаціи нѣсколько армій, ожесточила дворянство, которое съ небывалымъ остервенѣніемъ тушило мятежъ, а потомъ съ настойчивостью добивалось и добилось у правительства окончательнаго прикрѣпленія крестьянъ.

Такимъ образомъ, уже въ царствованіе Михаила были затронуты всѣ извѣстные позднѣе мотивы волненій, равно какъ были использованы и формы, способы выраженія недовольства. И мы видимъ, что подъ натискомъ общественныхъ классовъ уже въ послѣдніе годы царствованія Михаила правительство было вынуждено пойти на уступки. Знаменательно, что съ этого времени его политика принимаетъ дѣйствительно ярко выраженный характеръ покровительства среднимъ классамъ общества—служилымъ и посадскимъ людямъ. Это видно изъ постепенной отмѣны урочныхъ лѣтъ, изъ отмѣны несудимыхъ грамотъ и изъ другихъ мѣръ, которыя подготовляли Уложеніе 1649 г. и вошли въ него. Такъ изъ среды недовольныхъ все больше выходятъ служилые люди и лучшіе посадскіе, зато соотвѣтственно возрастаетъ недовольство мелкаго люда, низшихъ слоевъ населенія. Интересы тѣхъ и другихъ становятся еще болѣе противоположными, однако остается одно, такъ сказать, связующее ихъ недовольство, недовольство требовательной финансовой политикой—увеличеніемъ налоговъ, особенно повышеніемъ налога на соль, затѣмъ недовольство злоупотребленіями центральной администраціи и отчасти областной. Не цѣной-ли мѣропріятій въ пользу среднихъ классовъ общества думала сохранить свое положеніе „владущихъ“ кучка московскихъ заправилъ? Какъ бы тамъ ни было, охватывающія громадный районъ народныя волненія цар-

ствованія Алексѣя Михайловича начинаются какъ разъ возстаніемъ противъ приказныхъ людей, бояръ и дьяковъ. Это „межеусобная брань на Москвѣ и по городамъ“ 1648 г.

Ее можно было предвидѣть. По одному частному письму 1641 г. видно, что уже въ то время „земля стала“, и шла „мірская молва“ про бояръ, что „бояромъ отъ земли быть побитымъ“; на соборѣ 1642 г. дворяне волновались и заявляли, что они разорены „пуще турскихъ и крымскихъ бусурмановъ московскою волокитою и отъ неправдъ и отъ неправедныхъ судовъ“; шведскій резидентъ Крузебьёрнъ въ донесеніи отъ 1645 г. писалъ, „что положеніе дѣлъ въ Россіи критическое, общественныя дѣла запущены, ни царь, ни его совѣтники не видятъ исхода, и что въ недалекомъ будущемъ произойдетъ возстаніе“. 7 декабря 1647 г. (7156 г.) въ Москвѣ былъ пожаръ, *въ связи съ нимъ* въ тотъ же день была дана государева грамота боярину Б. Морозову съ товарищи, чтобы дворяне и дьяки „расправныя и всякія дѣла дѣлали и судили безволокитно“. Такъ начался этотъ долго памятный Москвѣ 7156 (1647—1648) годъ, въ довершеніе всего онъ оказался годомъ „хлѣбныхъ недородовъ и скотинныхъ падежей“. Московскій мятежъ вспыхнулъ 2 іюня 1648 г. и продолжался три дня. По разсказу очевидца, напечатанному на голландскомъ языкѣ въ 1648 г. въ Лейденѣ, народъ воспользовался тѣмъ, что 2 іюня совершался крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь, чтобы подать его царскому величеству „нѣкія прошенія по поводу невыносимо громадныхъ податей и налоговъ и большихъ притѣсненій, ежедневно производимыхъ боярами надъ народомъ“. „Люди не въ силахъ далѣе выносить этого, говорилось въ прошеніяхъ, они, жены и дѣти ихъ скорѣе согласны немедленно умереть, чѣмъ остаться долѣе подъ гнетомъ столь чрезмѣрнаго притѣсненія“. Бояре приняли прошенія, разорвали ихъ въ клочки и бросили въ лицо просителямъ... Тогда начался

Московскій мятежъ 1648 г.

мятежъ. Мятежная толпа, въ которой среди черни, купцовъ и ремесленниковъ были и „служилые люди“, бросилась въ Кремль. Тѣлохранители-стрѣльцы, жалованіе которымъ было передъ тѣмъ убавлено, по однимъ извѣстіямъ, не высказали особаго сопротивленія передъ натискомъ толпы, по другимъ, даже присоединились къ народу. Бунтовщики не нападали на государя. Въ первый день они разграбили домъ ненавистнаго имъ временщика Морозова (дядьки царя); бросаясь на драгоцѣнныя вещи, они не брали ихъ себѣ, но ломали на куски, превращали въ порошокъ съ криками „то кровь наша“. Тогда же былъ убитъ соляной реформаторъ дьякъ Чистой. Плещееву и Траханіотову удалось найти себѣ убѣжище, но опьяненная толпа, разграбивъ ихъ дома, явилась на слѣдующій день передъ дворцомъ, требуя выдачи какъ ихъ, такъ и Морозова. Бунтъ разрастался. Оставшись безъ защиты, царь Алексѣй долженъ былъ войти въ переговоры съ взбунтовавшимися подданными. 3 іюня онъ выдалъ „всей землѣ“ Л. Плещеева на смерть, обѣщалъ Морозова и Траханіотова разослать съ Москвы, „гдѣ міряномъ годно и впредь имъ до смерти на Москвѣ не бывать и не владѣть и на городѣхъ у государевыхъ дѣлъ ни въ какихъ приказахъ не бывать. И на томъ государь царъ къ Спасову образу прикладывался“. 4 іюня начался пожаръ; въ поджогѣ обвинили Морозова и Траханіотова; тогда снова „всею землею возмутились“ и стали просить выдачи измѣнниковъ. Царь выдалъ Траханіотова, но упросилъ у „міра“ помилованія Морозова, который былъ тайкомъ отосланъ въ Кирилловъ монастырь. Такова фактическая сторона московскаго мятежа 1648 г. Замѣтимъ еще, что онъ сопровождался сознательнымъ истребленіемъ массы поземельныхъ и другихъ документовъ. Мятежъ былъ направленъ противъ лихоимствующихъ судей и дьяковъ, въ немъ принимали участіе и служилые люди; однако въ этомъ мятежѣ прорывались, вѣроятно и другіе мотивы, звучали нотки, опасныя вообще приви-

легированнымъ классамъ. Въ грамотѣ отъ 26-го іюня 156 г. Сенька Колтовскій такъ передавалъ дядюшкѣ свои впечатлѣнія отъ мятежа: „пожалуй, государь, дядюшка Переилій Ивановичъ, прикажи мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ... и нынѣча государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ, и ты, государь, насильства не заводи, чтобы міръ не провѣдалъ, а надежа ваша съ Иваномъ Владычкинымъ вся переслылась, и вы не надѣйтеся нынѣча: кому вы посулъ давали, совсѣмъ они пропали“.

Распространеніе мятежа по городамъ.

Московскій мятежъ не остался единичнымъ, онъ быстро распространился по городамъ. 11 іюня вспыхнулъ мятежъ въ Козловѣ, затѣмъ въ Талицѣ, въ іюлѣ въ Сольвычегодскѣ, 4 августа пришло извѣстіе о мятежѣ на Устюгѣ Великомъ, затѣвался мятежъ на Новосили. Всюду мятежи роспространялись по вѣстямъ изъ Москвы, а вѣсти эти были таковы: „Указалъ-де государь по городамъ приказныхъ людей побивать каменьемъ“. Но въ городахъ составы „гилевщиковъ“ проще; это, главнымъ образомъ, молодшіе посадскіе люди или служилая бѣднота—сторожевые, полковые казаки, стрѣльцы и пр. Зато здѣсь яснѣй тотъ другой мотивъ, который мы примѣтили на Москвѣ: молодшіе люди наряду съ побиваніемъ приказныхъ людей грабятъ дворы и лавки состоятельныхъ людей, за то, что „они міръ выѣли“ (Козловъ).

Броженіе на Москвѣ послѣ мятежа 1648 г. и подготовка Уложенія 1649 г.

Между тѣмъ въ самой Москвѣ „бунташное“ настроеніе не исчезло. Виной тому отчасти было лишь вынужденное, притворное согласіе царя Алексѣя на удаленіе Морозова. Царь всѣми силами хотѣлъ вернуть своего „дядьку“, въ Москвѣ въ пользу Морозова работали его сторонники. Нужно было заручиться поддержкой стрѣльцовъ. Послѣ бунта царь приказалъ выдать имъ удержанное у нихъ жалованье, но тутъ выступили со своими требованіями дѣти боярскіе; они стали „совѣщаться съ простымъ народомъ“, тогда при-

шлось выдать имъ жалованіе и раздать имъ ихъ „наслѣдственныя имѣнія, которыми владѣли до того казненные и большіе господа“. 16 іюля 1648 г. состоялся приговоръ о составленіи проекта новаго уложенія; тогда же обѣщали „простому народу“, что у него спросятъ совѣта, когда будутъ обсуждаться дѣла, касающіяся „всей земли“. Особо стрѣльцамъ было обѣщано улучшеніе ихъ положенія. Но все напрасно, доносилъ своему правительству шведскій резидентъ К. Поммеренингъ, „чью сторону будутъ держать стрѣльцы, еще не извѣстно, въ виду того, что они осмѣливаются такъ дерзко выступать противъ его царскаго величества, указывая какъ на то, что его царское величество, вопреки обѣщанію и крестному цѣлованію, сослалъ ихъ выдающихся людей, такъ и на прочее“. „Простой народъ, писалъ онъ въ другомъ донесеніи, и дворяне хотятъ устранить партію Морозова и избавиться отъ новыхъ налоговъ“ *). Положеніе дѣлъ осложнялось еще тѣмъ, что 27 іюня заволновались боярскіе холопы, они просили, чтобы имъ была дана свобода; 3 іюля шесть изъ нихъ были обезглавлены, остальные заключены подъ стражу. „Многіе бѣгутъ и переселяются изъ Москвы..., нѣкоторые знатные люди свезли свое лучшее имущество на дворы иностранныхъ резидентовъ и пословъ... Царь тайно роздалъ мушкеты боярамъ по ихъ дворамъ, но холопы не хотѣли сражаться за бояръ, а противъ нихъ“. Даже въ средѣ правительственной знати намѣтился и разгорался раздоръ; противъ партіи Морозова выступила партія бояръ Романова и Черкасскаго; опираясь на служилыхъ людей, эта партія требовала реформъ. Въ концѣ концовъ послѣ неоднократнаго угощенія виномъ и медомъ стрѣльцовъ, послѣ новыхъ денежныхъ дачъ царю удалось упросить у народа возвращенія Морозова, но зато онъ поручился въ томъ, что судъ и расправа впредь будутъ производиться безъ

*) Требовали удаленія тестя царя, Гр. Гав. Пушкина, князей А. М. Львова, Трубецкого и др.

посуловъ и всѣмъ одинаково, обѣщалъ пониженіе цѣны на соль и уничтоженіе монополій, вообще обѣщалъ сдѣлать то, о чемъ проситъ простой народъ (2 октября). Тогда, писалъ Поммеренингъ, наступило перемирье.

Но перемирье оказалось не надолго. Результатъ его—Уложеніе 1649 г. не было выраженіемъ мнѣнія и воли всей земли. Оно было созданіемъ правительства, — съ одной стороны, служилаго и торгово-промышленнаго классовъ русскаго общества,—съ другой. Главное чего добились черезъ своихъ представителей эти классы, это—матеріальныя выгоды для нихъ самихъ: окончательное закрѣпощеніе крестьянства въ интересахъ служилаго дворянства, удаленіе торгующихъ крестьянъ съ посадовъ, ограниченіе торговыхъ привилегій стрѣльцовъ, отмѣна бѣлыхъ слободъ въ интересахъ посадскаго торгово-промышленнаго люда; къ этому надо добавить уничтоженіе въ 1649 году привилегій иностранцевъ въ интересахъ столичнаго купечества. Такъ, помѣщикъ и купецъ сдѣлались господами положенія. Зато проиграли крестьяне, были недовольны, главнымъ образомъ, отпиской слободъ, крупные свѣтскіе и духовные землевладѣльцы, вслѣдствіе уменьшенія торговыхъ привилегій, волновались стрѣльцы, „много дурного слышно было отъ закладчиковъ“, которые не хотѣли мириться съ утратой своего выгоднаго положенія. Все это вмѣстѣ съ непрекращавшимся неудовольствіемъ противъ Морозова и его сторонниковъ, съ неуменьшавшимся гнетомъ податей, создало серьезныя причины для новыхъ возмущеній. Старый закладчикъ боярина Н. И. Романова С. Корѣпинъ 17 января 1649 г. говорилъ коломнетину И. Пестову: „когда я былъ за бояриномъ Никитою Ивановичемъ, то мнѣ было хорошо, а теперь меня взяли за государя, и мнѣ худо сдѣлали это бояре—Б. И. Морозовъ да И. Д. Милославскій, и отъ того ихъ промыслу ходить намъ по колѣни въ крови, а боярамъ Морозову и Мстиславскому и друзьямъ ихъ быть побитыми каменьями..., а побивать мы станемъ

Значеніе Уложенія 1649 г. — въ исторіи народныхъ волненій.

не все сами, есть у насъ много ярыжекъ, и холопи ваши всѣ съ нами будутъ... и стрѣльцы". Такъ, въ Москвѣ готовились новыя волненія, замышляли новый мятежъ противъ Морозова и Милославскаго во имя Романова и Черкасскаго. Однако ссылкой нѣсколькихъ стрѣлецкихъ сотенъ въ Сибирь, равно какъ и отправкой къ татарской границѣ нѣсколькихъ стрѣлецкихъ приказовъ и другими мѣрами, мятежъ былъ предотвращенъ. Но когда, повидимому, все успокоилось, опять на сѣверо-западной границѣ въ народной толпѣ послышалось несчастное имя Морозова; мятежъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ запылалъ въ Псковѣ и Новгородѣ.

Псковско-Новгородскія волненія 1650 г.: ихъ поводъ.

По Столбовскому миру было условлено выдать съ обѣихъ сторонъ перебѣжчиковъ; выдача затянулась, болѣе, въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій изъ уступленныхъ Швеціи русскихъ областей перебѣжало въ московскіе предѣлы масса народа. Шведское правительство требовало ихъ выдачи, исполнить это требованіе значило въ глазахъ московскаго правительства отдать православныхъ христіанъ „въ люторскую вѣру". Тогда благочестивый царь Алексѣй рѣшилъ выкупить перебѣжчиковъ. Сошлись на 190,000 р. Часть выкупной суммы—20000 руб. была отдана въ Москвѣ шведскому агенту Нумменсу, который и поѣхалъ съ деньгами черезъ Псковъ. Въ то же время въ зачетъ выкупной суммы было велѣно купить въ Новгородѣ и Псковѣ нѣсколько тысячъ четвертей хлѣба и, добавивъ къ этому 10000 ч. изъ псковскихъ царскихъ житницъ, отпустить въ Швецію. Въ Новгородѣ закупка хлѣба была поручена торговымъ людямъ Облезову и Стоянову, въ Псковѣ—Емельянову. Эти лица не пользовались расположеніемъ новгородцевъ и псковичей. Стоянова, напр., обвиняли въ сношеніяхъ съ „нѣмцами", много лѣтъ возитъ онъ шведамъ рожь, мясо и всякіе съѣстные припасы, тѣмъ православныхъ христіанъ голодомъ моритъ. Еще хуже была репутація лучшаго человѣка Пскова Емельянова: его обвиняли въ злоупо-

требленіяхъ при сборѣ соляныхъ пошлинъ, въ сношеніяхъ съ „нѣмцами“, въ разорительной для псковичей дружбѣ съ воеводами и дьяками,—„тѣмъ онъ весь міръ своимъ затѣйнымъ воровствомъ продалъ“. Очень возможно, что и на этотъ разъ хлѣбные скупщики не удержались отъ злоупотребленій. Эти злоупотребленія въ связи съ бывшимъ тогда недородомъ въ Новгородской и Псковской областяхъ*) и послужили первымъ толчкомъ для волненій.

Развитіе волненій.

Волненія начались въ Псковѣ въ февралѣ 1650 г. Посадскіе и всякихъ чиновъ многіе люди заявили архіепископу и воеводѣ: „намъ де впредь надѣяться не на что, и въ томъ де воленъ Богъ да государь, станемъ де всѣ у житницъ сами, хотя де велитъ государь всѣхъ и перевѣшать, а въ свѣйскую землю хлѣба изъ государевыхъ житницъ намъ не давывать, потому что самимъ съ голоду помереть“. Въ этомъ заявленіи участвовали *всѣ* псковичи за исключеніемъ помѣщиковъ-дворянъ, интересъ которыхъ былъ не въ пониженіи, а въ повышеніи хлѣбныхъ цѣнъ. Лучшіе посадскіе люди, примкнувъ къ движенію, думали подачей челобитныхъ добиться запрещенія скупки хлѣба, къ открытому бунту они не чувствовали расположенія и не предвидѣли его. Но псковскій окольничій и воевода Сабакинъ въ отвѣтъ на просьбу псковичей—обождать съ закупкой и отсылкой хлѣба государева указа по челобитью—„всему міру угрожалъ: хлѣбъ де я отдамъ нѣмцамъ, а не вамъ псковичамъ; вы де, псковичи, изберите лутчихъ людей, кого изъ васъ повѣсить“. Не во время раздавшійся властный окрикъ воеводы, испортилъ все дѣло, а когда воевода назвалъ псковичей кликунами (названіе очень нехорошее въ Псковѣ послѣ событій смутнаго времени), то начался споръ сильный. Однако первый день прошелъ благополучно, на слѣ-

*) „Многіе, государь, православные христіане по деревнямъ ѣдятъ оловину и сосну и ужовину, и отъ того твоя государева отчина городъ Псковъ ставится до остатка пустъ“—писали Псковичи.

дующій день была назначена сходка, на этой сходкѣ посадскіе лучшіе люди и стараго приказа стрѣльцы, почуявъ недоброе, стали съ большой силой говорить, что самовольствомъ ничего не надобно дѣлать, а если въ хлѣбѣ скудость, то надобно бить челомъ государю. Толпа начала стихать, но тутъ пріѣхалъ въ Псковъ Нумменсъ. Ѣхалъ онъ странно, таясь, по задворкамъ; когда его настигли, растерялся, не могъ толкомъ объяснить, откуда у него деньги, чьи грамоты, которыя онъ везъ; вмѣсто того онъ требовалъ свиданія съ ненавистнымъ псковичамъ Емельяновымъ; послѣдній бѣжалъ, но у жены его нашли государеву грамоту, которая оканчивалась словами: „а сего бы нашего указа никто у васъ не вѣдалъ“. Эти слова возбудили еще большее смятеніе. Припомнили, что Емельяновъ—„совѣтчикъ“ нѣмцевъ, что воевода изъ этой же компаніи, вспомнили, что когда посолъ Пушкинъ возвращался изъ Швеціи черезъ Псковъ и сообщалъ о результахъ посольства, то ничего не говорилъ о деньгахъ и хлѣбѣ за перебѣжчиковъ; отсюда вывели заключеніе, что все то дѣлаютъ измѣнники бояре, а государю про то не вѣдомо, а такъ какъ еще раньше шла молва, что Морозовъ дружитъ нѣмцамъ ко вреду русскихъ, то во всемъ обвинили Морозова и его доброхотовъ: они государство продаютъ, деньги и хлѣбъ отдаютъ нѣмцамъ. Такъ, начавшись на почвѣ хлѣбной дорогови подачей челобитья, псковское волненіе въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи получало характеръ мятежа съ политической окраской. Загудѣли всполошные колокола, каждый день пошли сходки, пожары, грабежъ. Пытали Нумменса, разграбили Емельянова и еще нѣсколькихъ лучшихъ людей, посадили архіепископа Макарія, обвиняя его въ скрытіи Емельянова, на „чѣпь въ богадѣльню“; по вздорнымъ вѣстямъ, что нѣмцы идутъ брать Новгородъ и Псковъ, отняли у присланнаго на смѣну Сабакина Львова городскіе ключи, захватили порохъ, свинецъ, прибили присланнаго для розыска кн. Волконскаго.

Начавшійся въ Псковѣ мятежъ распространился вширь и вглубь. Онъ захватилъ всѣ псковскіе пригороды, за исключеніемъ Опочки, перекинулся въ Новгородъ, куда псковичи посылали на совѣтъ 7 чел. Въ Новгородѣ причины мятежа были тѣ же, что и въ Псковѣ: кричали о скупкѣ хлѣба, объ измѣнѣ боляръ, ожидали нападенія шведовъ на городъ, захватили датскаго посланника и избили его, составили въ земской избѣ новое правительство, возмутились на воеводу и Никона; послѣдняго обвиняли въ томъ, что онъ проклиналъ всѣхъ новгородцевъ за мятежъ, въ св. Софіи переставливалъ обычаи, измѣнялъ старину; по словамъ Никона, „ухватили его со всякимъ безчинъемъ, ослопомъ въ грудь ударили и грудь расшибли". На первомъ планѣ въ этомъ движеніи стояли „посадскіе и всякихъ чиновъ худые людишки", затѣмъ ярыжки и „кабацкіе голыши", къ нимъ присоединились стрѣльцы, „которые голые же люди", наконецъ даже нѣкоторые изъ поповъ. Къ указаннымъ мотивамъ движенія присоединилось недовольство злоупотребленіями воеводы, мелкіе служилые люди—стрѣльцы, воротники, пушкари кричали, что у нихъ жалованіе „по половинѣ отнято", и припоминали слова своихъ окольничихъ, воеводъ и дьяковъ: „идетъ де государево большое жалованье на Москвѣ нѣмцамъ, а вы де, природные, служите государю съ травы и съ воды и съ кнута". Въ добавокъ къ этому заволновались уѣздные крестьяне, они скоро втянулись въ движеніе. Бунтъ въ значительной степени терялъ свою политическую окраску и переходилъ въ анархію грабежа состоятельныхъ, прожиточныхъ. Положеніе дворянъ становилось критическимъ, они бѣжали, еще хуже было положеніе лучшихъ посадскихъ людей; явно не сочувствуя гилевщикамъ, они боялись своимъ упорствомъ ихъ раздражить и обратить движеніе исключительно противъ себя. Псковскій дворянинъ И. Молвяниновъ въ разспросѣ говорилъ: „какъ сойдутся съ ними дворяны, тѣ старые

стрѣльцы и посадскіе люди на одинѣ, и имъ сказываютъ, что де они съ тѣми гилевщиками не совѣтуютъ, а какъ де въ смятеніе тѣ мятежники сойдутца гилемъ, и тѣ де старые стрѣльцы и лучшіе посадскіе люди стоятъ въ особныхъ толпахъ". „Мочи нашей нѣтъ", говорили въ Новгородѣ „лучшіе" люди, „навести намъ на себя за нынѣшнюю смуту такую же бѣду, какая была при царѣ Иванѣ".

Подавленіе волненія.

Правительство дѣйствовало нерѣшительно. Оно боялось „шатавшагося міра". Начавъ съ отмѣны указа о закупкѣ хлѣба, оно старалось уговорами прекратить волненіе, затѣмъ послало Хованскаго съ войскомъ подъ Новгородъ и Псковъ. Новгородъ смирился въ апрѣлѣ, Псковъ пришлось осаждать. Хованскій жаловался на трудность осады; псковичи заперлись въ городѣ и нѣсколько мѣсяцевъ успѣшно оборонялись, грозя Хованскому: „онъ В. Новгородъ обманомъ взялъ, мы его въ котлѣ сваримъ". Никонъ настаивалъ, чтобы противъ бунтовщиковъ не предпринимать особыхъ репрессій, чтобы ихъ тѣмъ не ожесточить. Въ самой Москвѣ распространялись воровскія рѣчи, и затѣвалось что то неладное. Тогда рѣшили передать дѣло о псковскомъ бунтѣ земскому собору. Соборъ въ концѣ іюля постановилъ послать въ Псковъ особое посольство во главѣ съ епископомъ Рафаиломъ, которое именемъ государя и всей земли должно было уговоритъ псковичей вернуться къ повиновенію и порядку. Долго уговаривали псковичей. Ходу переговоровъ мѣшали лучшіе люди; съ пріѣздомъ посольства они взяли верхъ и начали расправляться съ „заводчиками" изъ гилевщиковъ; тогда снова вспыхнулъ мятежъ, псковичи, по ихъ словамъ, „попрежнему забили въ тарарыку". Лишь въ ноябрѣ затихъ окончательно псковскій мятежъ.

Новыя финансовыя затрудненія и мѣдныя деньги.

Волненія 1650 г. прошли безслѣдно, повидимому, они не оказали вліянія на измѣненіе правительственной политики. Прошло лѣтъ пять. Началась война съ Польшей; требуя громадныхъ жертвъ людьми и день-

гами, эта война вводила страну въ періодъ новаго экономическаго напряженія. Между тѣмъ въ 1654—55 гг. въ Московскомъ государствѣ развилась страшная эпидемія чумы. „Моровая язва“ опустошала страну, совершенно разстроила общественный порядокъ и подорвала средства правительства. Притокъ иностраннаго серебра, на которомъ была основана денежная система государства, уменьшился вслѣдствіе общаго упадка торговли и, въ частности, вслѣдствіе сокращенія привилегій иностранныхъ купцовъ. Содержаніе арміи требовало денегъ. Не зная откуда достать ихъ, правительство въ 1656 г. рѣшилось на выпускъ мѣдныхъ денегъ, придавъ имъ оффиціально цѣнность серебрянаго рубля. При громадной разницѣ въ стоимости серебра и мѣди (по однимъ расчетамъ мѣдь была въ 20 разъ, по другимъ даже въ 62½ раза дешевле серебра) мѣдныя деньги являлись въ общемъ лишь ассигнаціями, и операція ихъ выпуска во многомъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напоминаетъ систему Джона Лоу.

Такъ, въ 1646 г. додумавшись до мысли о замѣнѣ прямыхъ налоговъ косвенными (соляная реформа), въ Москвѣ столь же самобытно пришли къ идеѣ государственнаго кредита. Сначала мѣдныя деньги пользовались полнымъ довѣріемъ, ходили al pari, „съ серебряными заровно“. Но хорошо задуманная операція попала, съ одной стороны, въ неумѣлыя, съ другой, въ падкія на соблазнъ руки. Заявляя, что только мѣдная монета имѣетъ законный курсъ и можетъ отнынѣ служить для обмѣна, правительство было непослѣдовательно, когда отказывалось принимать болѣе трети мѣдной монеты при платежахъ въ казну. Этимъ съ самаго начала подрывалось довѣріе къ новой финансовой операціи и открывался самый широкій путь для злоупотребленій. Другая бѣда заключалась въ неумѣренномъ выпускѣ новой монеты: по свидѣтельству Мейербера въ теченіе 5 лѣтъ выпуски мѣди достигли

5 милл. рублей, т. е. въ пять разъ болѣе годового бюджета, рынокъ былъ наводненъ мѣдью. Въ то же время появился цѣлый легіонъ фальшиво-монетчиковъ. Примѣръ имъ подалъ, какъ тогда говорили, тесть царя И. Милославскій вмѣстѣ съ оффиціальными монетчиками. Денежные мастера, люди небогатые, вдругъ разбогатѣли; богатые купцы, даже московскіе гости (особенно В. Шоринъ), приставленные присяжными надзирателями мѣднаго дѣла, сами покупали мѣдь, привозили ее вмѣстѣ съ казенной на Денежный дворъ, передѣлывали въ монету и отвозили на свои дворы. Тогда въ курсѣ мѣдной монеты образовался лажъ. Въ концѣ 1660 г. въ Москвѣ за серебряный рубль давали 2 мѣдныхъ, въ 1661 г.—3, съ декабря 1661 г. по мартъ 1662 г.—4, съ марта по іюнь—6, съ іюня по сентябрь—8, въ 1663 г. по мартъ—9, далѣе 12, 15. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ большихъ размѣрахъ производилась скупка серебра, переливъ его въ слитки, часть которыхъ уходила за границу. Начиналось банкротство. Товары при счетѣ на мѣдныя деньги сильно поднялись въ цѣнѣ. Настала „великая тщета и гибель большая хлѣбной цѣнѣ и во всякихъ харчахъ дороговъ великая“. Прежде всего вздорожалъ хлѣбъ. Крупные землевлевладѣльцы или вовсе воздерживались отъ продажи хлѣба, или продавали его на серебряныя деньги, а если на мѣдныя, то „неслыханной цѣной“. „Въ прежнихъ лѣтѣхъ, говорили торговые люди въ 1662 г., мочно было мастеровому человѣку и съ женой быти сыту днемъ алтыннымъ хлѣбомъ, а нынѣ мастерскому человѣку одного хлѣба саму другу надобно на 20—26 алтынъ“. Вслѣдствіе этого вздорожали „мастерскіе товары“. Бѣднота не знала что дѣлать, ей грозилъ голодъ, она уже голодала. Видя высокія цѣны товаровъ, она отъ „неразсужденія“, какъ говорили московскіе купцы, въ дороговизнѣ обвиняла торговыхъ людей, „будто они отъ мѣдныхъ денегъ великіе промыслы и богатства учинили и домы свои пополнили“. И отъ того „неразсуж-

денія", заявляли спрошенные въ февралѣ 1662 г. о причинахъ дороговизны московскіе торговые люди, „мы стали возненавидѣны отъ всѣхъ чиновъ за тое товарную продажу". На самомъ дѣлѣ положеніе ремесленниковъ и купцовъ также было затруднительно. Несмотря на то, что послѣдніе играли на разницѣ въ курсѣ, все же надо признать, что вздорожаніе хлѣба сокращало размѣры ремесла и торговли. „Въ рядѣхъ многія лавки запустѣли, и въ таможенныхъ сборахъ учинилась немалая убыль". Въ довершеніе всего иноземцы перестали продавать свои товары на мѣдныя деньги: „не продаютъ ни въ тридцать цѣнъ, просятъ противъ тѣхъ своихъ товаровъ русскихъ товаровъ, а русскіе товары, которые были иноземцамъ годны, всѣ взяты у торговыхъ людей на Москвѣ и въ городѣхъ на великаго государь, и нынѣ намъ, заявляли гости и торговые люди гостинной сотни, нѣмецкихъ товаровъ купить стало не на что, которыя у насъ были деньги серебреныя, и тѣ всѣ перевели въ мѣдныя". „Въ концѣ погибаемъ и помираемъ голодной смертію", говорилъ въ 1662 г. простой народъ,—мелкіе ремесленники и купцы, рабочіе; „ожидаемъ себѣ конечныя нищеты", заявляли гости и болѣе состоятельные торговые люди. Особенно затруднительное положеніе создавалось для ратныхъ людей, получавшихъ жалованіе мѣдными деньгами по полному курсу. Уже кое-гдѣ въ войскахъ начиналося броженіе, выражавшееся въ отказѣ получать мѣдныя деньги и въ угрозахъ по адресу правительства.

Совѣщаніе 1662 г.

Обезпокоилось и московское правительство. Въ февралѣ 1662 г. оно созвало совѣщаніе торговыхъ людей, „чтобъ нынѣшнюю настоящую дороговь за помощію Божіею умалить и общество бъ христіанское видѣть безъ оскорбленія". Правительство рѣшилось постепенно перейти на серебряныя деньги, испрашивало совѣта у созванныхъ, „откуда и отъ какихъ промысловъ серебро взять". Созванные въ большинствѣ случаевъ уклонились

отъ отвѣта на поставленный вопросъ, заявивъ, „что то дѣло всего государства, всѣхъ городовъ и всѣхъ чиновъ“, но воспользовались случаемъ, чтобы, съ одной стороны, подчеркнуть, что „дороговь великая“ чинится не отъ ихъ промысловъ, а отъ „мѣдныхъ денегъ и воровъ денежныхъ мастеровъ“, а съ другой, заявить о своемъ оскудѣніи, одну изъ главныхъ причинъ котораго они видѣли въ царскихъ монополіяхъ, въ существованіи тархановъ и въ томъ, что „нынѣ всякими большими и лутчими промыслами и торгами владѣютъ и промышляютъ духовный и воинскій и судебный чинъ, оставя и презрѣвъ всякое государственное правленіе“.

Бунтъ 1662 г.

Такъ, общественное недовольство получило свое направленіе, оно снова грозило правительственной администраціи, боярамъ и дьякамъ, въ которыхъ видѣли главныхъ виновниковъ злоупотребленій. Уже послѣ пасхи шелъ слухъ, „что чернь сбирается и чаять отъ нихъ быть погрому двору боярина И. Д. Милославскаго да гостя В. Шорина и иныхъ богатыхъ людей за измѣну въ денежномъ дѣлѣ“. Правительство во время не предотвратило волненій, и 25 іюля 1662 г. на Москвѣ разыгрался бунтъ. Разношерстная толпа мелкаго торговаго и ремесленнаго люда, стрѣльцовъ, нѣсколько крестьянъ и поповъ, но больше всего солдатъ и рейтаръ, при гулѣ набата, хлынула изъ Москвы въ село Коломенское, гдѣ жилъ тогда Алексѣй Михайловичъ, чтобы указать ему на виновниковъ своихъ бѣдъ *), на „измѣнниковъ“ и просить на нихъ управы. Толпа была безъ оружія (лишь у нѣкоторыхъ были дубины), но шла съ крикомъ и шумомъ и сильно перепугала царское семейство. Самъ „тишайшій“ вышелъ отъ обѣдни къ народу и началъ его уговаривать „тихимъ обычаемъ“ возвратиться въ Москву, обѣщая по дѣлу „учинить сыскъ и указъ“. Народъ не отпускалъ царя, нѣкоторые держали его „за платье, за пуговицы“ и съ сомнѣніемъ

*) Въ расклеенныхъ по Москвѣ воззваніяхъ были указаны И. Д. Милославскій, Ртищевъ, Матюшкинъ, гость В. Шоринъ.

спрашивали: „чему вѣрить“? Царь побожился, „далъ имъ на своемъ словѣ руку“, а одинъ изъ челобитчиковъ ударилъ съ нимъ по рукамъ, и послѣ того толпа направилась въ Москву. Однако этимъ трогательнымъ рукобитіемъ волненіе не было прекращено. Толпа, ушедшая изъ Коломенскаго, на дорогѣ встрѣтилась съ другой толпой, разграбившей домъ гостя В. Шорина и шедшей въ Коломенское, соединилась съ ней и пошла туда же. На этотъ разъ, какъ писалъ потомъ царь Алексѣй, толпа начала „бить челомъ съ большимъ невѣжествомъ“, съ угрозой, требуя выдачи „измѣнниковъ“. „Не дай погибнуть напрасно!—слышалось изъ толпы.—Буде добромъ тѣхъ бояръ не отдашь, то мы станемъ брать ихъ у тебя сами, по своему обычаю“. Тогда по приказу „тишайшаго“ на толпу, въ которой большинство состояло изъ любопытныхъ зѣвакъ, пришедшихъ „гилю смотрѣть, что учинится“, были брошены стрѣльцы. Произошла бойня. По свидѣтельству Котошихина, перебили и забрали свыше 7.000 человѣкъ, да потонуло въ бѣгствѣ въ рѣкѣ больше ста человѣкъ. Начался розыскъ. Онъ обнаружилъ, что военный элементъ управлялъ всѣмъ движеніемъ *). Часть была повѣшена, подвергнута членовредительнымъ наказаніямъ, но большинство было сослано въ Казань, Астрахань, Терки, Сибирь „на вѣчное житье“. Тѣмъ не менѣе, въ 1663 году серебряное обращеніе было возстановлено. Однако успокоеніе не было достигнуто. Сосланные за бунтъ въ Казань говорили въ 1663 году: „воленъ-де великій государь, а имъ-де свое взять, опять бунтовать на Москвѣ, бояръ хотятъ побивать и домы на Москвѣ грабить“.

Послѣдствія волненій.

Итакъ, ни мятежъ 1648 года, ни псковско-новгородское волненіе 1650 г., ни бунтъ 1662 г. не уничто-

*) „Кадашевецъ Аничка Семеновъ въ распросѣ у пытки говорилъ: „какъ учинился бунтъ, и солдаты де Агѣева полку Шепелева и иные многіе люди изъ лавокъ всѣхъ людей выбили, а говорили, кто не пойдетъ, хотѣли побивать“.

жили причинъ народнаго недовольства. Гнетъ податного бремени, какъ слѣдствіе внѣшней политики, казнокрадство и безчисленныя притѣсненія отъ придворныхъ и приказныхъ людей, дѣйствовавшихъ рука объ руку съ ненавистными народу міроѣдами, какъ слѣдствіе системы управленія и экономическаго неравенства, наконецъ соціальное неравенство не только не были уничтожены, смягчены, но, наоборотъ, развивались къ концу вѣка, когда къ тому же въ интересахъ правящихъ круговъ перестали созываться земскіе соборы.

Эволюція волненій.

Всѣ разсмотрѣнные выше мятежи начинались протестомъ противъ злоупотребленій *отдѣльныхъ лицъ* или тѣхъ или другихъ правительственныхъ мѣропріятій, но въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи теряли свою политическую окраску и обращались противъ состоятельныхъ, господствующихъ классовъ, т. е. принимали соціальную окраску. Постолько, посколько въ мятежахъ сказывалась борьба „лучшихъ“ и „меньшихъ“, дворянство и лучшіе посадскіе люди расходились съ „гилевщиками“ и стояли на сторонѣ правительства. Да и въ протестѣ противъ злоупотребленій администраціи послѣ 1648 г. дворянство и верхи посадскихъ міровъ почти совсѣмъ не принимаютъ участія; во всякомъ случаѣ они ограничиваются „подачей челобитій“ и избѣгаютъ открытыхъ мятежныхъ выступленій. Такимъ образомъ, изъ цѣпи „гилевщиковъ“ постепенно выключаются общественные серединные слои, бунтъ становится удѣломъ „голышей“. Въ 1650 году псковичи еще пишутъ „одиношную запись“, чтобы имъ „другъ друга не подтдать..., стоять всѣмъ заодно“, и угрозами включаютъ въ запись „лучшихъ“ посадскихъ людей и дворянъ. Позже это уже не повторяется. Сложное понятіе „міра“, выступленіе „всѣмъ міромъ“, „всей землей“, суживается. Изъ „міра“ выпадаютъ его „домовитые“, прожиточные элементы, вслѣдъ за правительственной знатью заклейменные теперь обвиненіемъ „въ продажѣ міра“. Поэтому бунтъ все болѣе теряетъ свою политическую

окраску и все болѣе принимаетъ соціальный характеръ, характеръ движенія простонародья противъ высшихъ и среднихъ классовъ. Это, съ одной стороны, съ другой, такія движенія въ этой новой фазѣ своего развитія становятся все болѣе безнадежными для „гилевщиковъ“. И если раньше правительство, сознавая нѣкоторую солидарность въ общественныхъ выступленіяхъ, боялось „міра“ и не рѣшалось при подавленіи мятежей на крутыя мѣры, то теперь, чувствуя опору въ среднихъ классахъ общества, оно расправляется съ бунтовщиками безпощадно, что мы и видимъ въ мятежѣ 1662 г. Въ свою очередь крутыя расправы съ волнующимися, какъ результатъ движеній, отлагаются на психикѣ населенія горькими, скорбными чувствами и создаютъ въ коллективной душѣ народа то безысходно гнетущее состояніе, которое можно назвать „мукой міра“, и охваченные которымъ люди при извѣстныхъ условіяхъ не могутъ ручаться за свои поступки и выступаютъ въ движеніяхъ все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ озлобленіемъ. Такова эволюція разсмотрѣнныхъ нами движеній. Къ этому надо добавить два наблюденія. Во-первыхъ, движенія постолько, посколько они носили политическій характеръ, были направлены противъ отдѣльныхъ лицъ, а не противъ всего порядка, причемъ народъ вѣрилъ, что улучшеніе его участи послѣдуетъ сверху. Это во-первыхъ, во-вторыхъ, волненія происходили преимущественно въ городахъ, такъ какъ городъ, какъ административный и торговый центръ, былъ чувствительнѣй къ несовершенствамъ управленія и къ экономическимъ тягостямъ жизни. Сельскій міръ былъ пассивнѣй. Но къ концу изучаемой эпохи, съ одной стороны, мало-по-малу разрушилась надежда на улучшеніе условій жизни сверху, а съ другой, крестьяне постепенно втягивались въ городскіе мятежи. Такъ подготовлялась „разиновщина“, движеніе, носившее соціальную окраску, имѣвшее цѣлью измѣнить существующій порядокъ силами возставшихъ и поднявшее въ своемъ розмахѣ сельскій міръ.

Поволжье предъ „разиновщиной".

Рядъ потрясеній и волненій, пережитыхъ народомъ въ теченіе 15 лѣтъ, имѣлъ своимъ слѣдствіемъ, во-первыхъ, массовыя ссылки виновныхъ, преимущественно, въ Поволжье, во вторыхъ, усиленное бѣгство недовольныхъ элементовъ на Донъ, въ казачьи городки, въ казаки.

Не съ чувствомъ раскаянія уходили сосланные въ мѣста своей ссылки, наоборотъ, они шли въ Поволжье съ глубокой враждой къ выбросившему ихъ за бортъ жизни политическому, соціальному, экономическому укладу, съ мыслью вновь поднять возстаніе, вновь собраться „гилемъ". Въ Поволжьѣ эти чувства находили для своего развитія наиболѣе удобную почву. „Здѣсь, главнымъ образомъ, на нижнемъ и среднемъ теченіи Волги, говоритъ проф. Ѳирсовъ, средствъ у государства для поддержанія своего авторитета было мало, а произвола администраціи и помѣщиковъ было больше, чѣмъ гдѣ либо въ остальной Руси". По наблюденію проф. Перетятковича, къ половинѣ XVII в. тягости, налагаемыя на крестьянъ частными землевладѣльцами въ Поволжьѣ, увеличились сравнительно съ прежними въ нѣсколько разъ. Правительственная администрація управляла краемъ безконтрольно. Сверхъ того, Поволжье—страна инородцевъ, сравнительно недавно покоренныхъ и потому особенно чувствительныхъ и къ злоупотребленіямъ администраціи и къ тягостямъ московскаго фискальнаго режима. „Между тѣмъ въ теченіе всего XVII в. матеріальное положеніе инородцевъ не улучшалось, а ухудшалось при неусыпномъ содѣйствіи этому со стороны служилаго люда. Къ тому же ко времени Никона инородцы перестали пользоваться вѣротерпимостью: началось, напр., насильственное обращеніе мордвы въ христіанство". Такимъ образомъ, условія мѣстной жизни Поволжья подготовляли эту искони безпокойную окрайну государства къ взрыву, а пропаганда ссыльными мятежныхъ идей легко западала въ воспріимчивые умы. Нуженъ былъ лишь ло-

зунгъ и предводитель для возстанія. Этотъ лозунгъ и раздался съ береговъ тихаго синяго Дона.

Положеніе дѣлъ на Дону и начало здѣсь „воровского собранія“.

Старый демократическій укладъ жизни донского казачества къ разсматриваемому времени успѣлъ сильно измѣниться. Вмѣсто прежняго равенства намѣтилось разслоеніе казаковъ на двѣ противоположныя другъ другу группы. Къ первой принадлежали тѣ старые, коренные казаки, которые успѣли уже обжиться на Дону, познать прелесть собственности, а иногда и сравнительно крупнаго достатка,—это домовитые казаки, казацкая буржуазія; въ рукахъ ея собственно и находилась правительственная власть надъ всѣмъ Дономъ. Получая отъ „великаго государя“ жалованіе деньгами, хлѣбомъ, виномъ, порохомъ, свинцомъ, эта часть казачества не любила ссориться съ московскимъ правительствомъ, она хотѣла согласить свою вольность съ повиновеніемъ верховной московской власти. Вторую группу составляли „воровскіе“ (т. е. не признанные московской властью), по московской оффиціальной терминологіи, казаки, „голытьба“, „голутвенные люди“, какъ звали ихъ на Дону. Къ нимъ принадлежали разные „бѣгуны отечества“, главнымъ образомъ эмигранты Великороссіи. Ихъ собралось особенно много на Дону въ послѣдніе годы, когда ихъ начали такъ дѣятельно преслѣдовать на Руси. На Дону имъ было безопасно: Донъ принималъ всѣхъ, даже преступниковъ, и никого не выдавалъ съ своихъ береговъ—такъ издавна велось. Все это были бѣдняки, кормились поденной работой, а когда ея было мало, когда на Дону былъ неурожай и дороговизна, у нихъ оставался одинъ исходъ—грабежъ. Интересы этой казацкой демократіи рѣзко расходились съ интересами домовитаго казачества; послѣдніе стремились свести голытьбу на положеніе рабочихъ, угнетаемыхъ и эксплуатируемыхъ. Голутвенные люди не могли помириться съ положеніемъ батраковъ, наоборотъ, они являлись наиболѣе страстными, энергичными выразителями настоящаго казацкаго духа,

они хотѣли дѣйствовать свободно и считали Донъ независимымъ и самоуправнымъ. Это былъ самый безпокойный элементъ тихаго Дона, и вмѣстѣ съ тѣмъ эти „удалые добры-молодцы“, какъ зоветъ ихъ пѣсня, пользовались сочувствіемъ народныхъ массъ.

Безотрадное положеніе „голытьбы“ и исканіе выхода изъ него.

Пока голытьбы было мало, до тѣхъ поръ Донъ могъ или своими средствами прокормить ее, или открыть ей дорогу „за зипунами“ на Черное море, къ берегамъ Крыма и Турціи. Но къ половинѣ XVII вѣка уже не оставалось ни того, ни другого исхода. Количество эмигрантовъ увеличивалось съ необычайной быстротой; царскаго жалованія, вообще довольно консервативнаго, едва хватало на тѣхъ, кому оно предназначалось, на домовитыхъ казаковъ; съ другой стороны, путь за зипунами къ Черному морю былъ закрытъ „учиненными отъ турскихъ людей крѣпостьями“, да и и московское правительство, исполняя свои обязательства къ Крыму, Турціи и Персіи, стало строже относиться къ казацкимъ авантюрамъ. Тогда на Дону сталъ „голодъ большой“. Среди голытьбы началось сильное броженіе. Голытьба искала выхода изъ своего безотраднаго положенія. Въ 60-хъ годахъ она думала, что нашла его, именно въ походахъ за зипунами черезъ Астрахань, но, исполняя свои обязательства передъ шахомъ, Москва стала сторожить входъ и въ Каспійское море. Тогда „воровскіе казаки“ перенесли свои операціи на Волгу. Въ предводителяхъ этихъ грабительскихъ нападеній недостатка не было. Въ 1666 году атаманъ Васька Усъ съ шайкой въ 500 человѣкъ опустошилъ окрестности Воронежа и Тулы, подымая крестьянъ и слугъ, избивая помѣщиковъ. „Войсковая старшина“, несмотря на требованіе правительства учинить надъ нимъ судъ скорый или выдать его, ничего не могла подѣлать. Усъ продолжалъ свои подвиги, но скоро ему пришлось стушеваться передъ вождемъ гораздо большаго размаха. Это былъ Степанъ Тимофеевичъ Разинъ.

В. Усъ.

Біографія С. Т. Разина довольно туманна. Его братъ, атаманъ одного изъ казачьихъ отрядовъ на службѣ у правительства, за самовольный уходъ со службы былъ повѣшенъ. Братья Стенька и Фролка, вѣроятно, видѣли, какъ повѣсили старшаго брата. Преданіе говоритъ, что тогда же Стенька замыслилъ отомстить за брата и задать страха всѣмъ боярамъ и знатнымъ людямъ Московскаго государства. Степанъ Тимофеевичъ былъ далеко незаурядной личностью. По мастерской характеристикѣ Костомарова, „это былъ человѣкъ крѣпкаго сложенія, предпріимчивой натуры, гигантской воли, порывчатой дѣятельности. Своенравный, столько же непостоянный въ своихъ движеніяхъ, сколько упорный въ предпринятомъ разъ намѣреніи, то мрачный и суровый, то разгульный до бѣшенства, то преданный пьянству и кутежу, то готовый съ нечеловѣческимъ терпѣніемъ переносить всякія лишенія; нѣкогда ходившій на богомолье въ отдаленный Соловецкій монастырь, впослѣдствіи хулившій имя Христа и святыхъ его. Въ его рѣчахъ было что-то обаятельное; дикое мужество отражалось въ грубыхъ чертахъ лица его, правильнаго и слегка рябоватаго; въ его взглядѣ было что-то повелительное; толпа чувствовала въ немъ присутствіе какой-то сверхъестественной силы, противъ которой невозможно было устоять и называла его колдуномъ. Въ его душѣ, дѣйствительно, была страшная, таинственная тьма. Жестокій, кровожадный, онъ, казалось, не имѣлъ сердца ни для другихъ, ни даже для самого себя“... Таковъ былъ этотъ новый вождь и борецъ вольницы. Костомарову онъ кажется извергомъ рода человѣческаго, Ѳирсовъ, наоборотъ, въ необузданной жестокости Разина видитъ много нездороваго, ненормальнаго. Но нельзя забывать одного: Разинъ „былъ плотью и кровью казацкой вольницы, отличаясь отъ нея только размѣрами своего ума и воли и ничѣмъ болѣе“. Поэтому онъ былъ понятенъ своимъ „робятушкамъ“, а потому и любъ имъ. Широкая рус-

С. Т. Разинъ. Его характеристика.

ская степь, казачій укладъ жизни только и могли породить разудалую натуру Разина, а неудачный складъ общества только и могъ быть причиной тѣхъ эксцессовъ въ жизни, поступкахъ Разина, которымъ удивлялись и удивляются до сихъ поръ.

Первый походъ Разина на Волгу и Яикъ.

Ставъ во главѣ недовольной голытьбы, Разинъ пытался Дономъ пройти въ Черное море; отброшенный самими казаками, онъ поднялся по рѣкѣ до того мѣста, гдѣ теченіе ближе всего подходитъ къ Волгѣ, и здѣсь близъ городка Паншина заложилъ свой воровской станъ. Его голытьба по пути грабила богатыхъ казаковъ и разоряла ихъ дома. Войсковой старшина Корнило Яковлевъ писалъ въ Москву, что онъ и войско посылали за Стенькой въ погоню, но его не догнали и не нашли. На самомъ дѣлѣ казацкая буржуазія Дона была довольна уходомъ Разина,—Донъ освобождался отъ многихъ безпокойныхъ, голутвенныхъ людей. Стенька ушелъ на 4 стругахъ, его воровской станъ былъ расположенъ на высокихъ буграхъ, а кругомъ него долая вода; по вѣстямъ было у него въ это время около 1000 чел. Всѣмъ было ясно, что цѣль похода Разина—воровать на Волгѣ. И дѣйствительно—Стенька скоро началъ „шарпать“ на этой рѣкѣ. Онъ напалъ на караванъ, шедшій внизъ по Волгѣ съ запасомъ хлѣба для Астрахани и конвоировавшій ссыльныхъ. Суда были разграблены, провожатые ихъ частью повѣшены, частью передались „ворамъ“. Такъ началась карьера удалого атамана. Пограбивъ суда на Волгѣ, Разинъ уже на 30 стругахъ прошелъ мимо Царицына, перешелъ Черный Яръ и вдоль сѣвернаго берега Каспійскаго моря достигъ устья Яика, куда уже давно его звали „учуги разорять, людей побивать, а потомъ идти вмѣстѣ на море промышлять“. Яикъ былъ захваченъ и служилъ нѣкоторое время побѣдителю пунктомъ, откуда онъ снаряжалъ свои экспедиціи на сушѣ и по морю противъ татаръ у устья Волги и противъ мусульманскихъ галеръ вдоль Дагестана. Воровство на-

чинало принимать внушительные размѣры. Хуже всего, что на Дону примѣръ Разина заохотилъ многихъ, стали собираться новыя станицы и потянулись на соединеніе со своей братьей; вѣсть объ удальствѣ Разина достигла и Запорожья; какой-то запорожецъ Боба съ 400 хохлачей скоро увеличилъ шайку знаменитаго атамана. Московское правительство завязало переговоры съ новыми хозяевами Яика, но не добилось ровно никакого результата. Пополнивъ свою шайку донскими выходцами, 23 марта 1668 г. Разинъ выступилъ въ море, и съ тѣхъ поръ больше года на Руси не знали навѣрное, гдѣ обрѣтаются „удалые“.

Персидская эпопея Разина

Такъ началась персидская эпопея Разина. Съ 6000 чел., опустошивъ берегъ отъ Дербента до Баку, Разинъ добрался до Решта. Здѣсь его ждала вооруженная встрѣча. Тогда Стенька пустился на хитрость. Онъ вступилъ въ переговоры съ правителемъ Решта Будур-ханомъ, обмѣнялся съ нимъ заложниками, просилъ черезъ него шаха принять казаковъ подъ высокую руку въ подданство и отвести имъ земли на поселеніе на р. Ленкурѣ. Будур-ханъ согласился, открылъ рейдъ для казацкой флотиліи и выдавалъ казакамъ на содержаніе отъ 150—200 р. въ день. Но гости скоро повздорили съ хозяевами. Жители Решта напали врасплохъ на Разина, произошла бойня, Стенька принужденъ былъ покинуть городъ. Онъ отплатилъ за это ужасной местью въ Ферабадѣ, гдѣ, обманувъ довѣрчивое населеніе, сжегъ до основанія городъ, разграбилъ имущество, набралъ плѣнниковъ. Весной 1669 г. Разинъ вернулся на восточный берегъ Каспія и началъ разгромъ туркменскихъ улусовъ. Шахъ послалъ противъ казаковъ флотилію въ 70 судовъ. Произошла кровопролитная битва, кончившаяся полнымъ пораженіемъ персовъ и окончательно утвердившая славу Разина въ удаломъ мірѣ. Только три струга убѣжало съ несчастнымъ предводителемъ персовъ (Менеды-ханъ); казаки полонили его сына, Стенька сдѣлалъ своей лю-

бовницей его красавицу—дочь. Тѣмъ не менѣе оставаться на Хвалынскомъ морѣ становилось опасно, шахъ готовилъ новыя вооруженныя посылки, казацкое войско рѣдѣло. Тогда Разинъ рѣшилъ вернуться въ отечество, не зная, однако, пропустятъ его или нѣтъ на тихій Донъ.

Возвращеніе на Донъ.

На 36 судахъ съ 4000 стрѣльцовъ поджидалъ астраханскій воевода Прозоровскій возвращенія „добычниковъ“. Въ устьѣ Волги онъ загородилъ имъ дорогу. Казаки отступили. Прозоровскій былъ склоненъ къ примиренію. Онъ заранѣе выправилъ такую милостивую грамоту отъ имени царя, которая давала прощеніе казакамъ, если они принесутъ повинную. „Нѣсколько причинъ, говоритъ Костомаровъ, разомъ располагало воеводъ къ такому великодушію: во-первыхъ, походъ Стеньки произвелъ сочувствіе на Дону, слишкомъ суровое обращеніе могло раздражить донцовъ; во-вторыхъ, астраханскіе воеводы не могли положиться на свои силы, переходъ на сторону воровскихъ казаковъ стрѣльцовъ и чернаго люда заставлялъ побаиваться, чтобъ и въ Астрахани не повторилось то же въ большемъ размѣрѣ; въ-третьихъ, походъ Стеньки приносилъ пользу воеводамъ, воеводы знали, что порядочная часть добычи перейдетъ имъ на поминки. Что же касается до разоренія персидскихъ береговъ, то вѣдь и русскіе терпѣли тоже отъ своевольства персидскихъ подданныхъ, казацкій походъ былъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, возмездіемъ“. Казаки пошли на мировую. 25 августа 1663 г. Разинъ со своими товарищами торжественно подписали мирный трактатъ. Они принесли повинную, обѣщали отдать пушки, забранныя на Волгѣ и Яикѣ, отпустить присоединившихся къ нимъ стрѣльцовъ, отдать морскіе струги, въ замѣнъ чего имъ было гарантировано спокойное возвращеніе на Донъ съ остатками добычи. 10 дней пировалъ Разинъ съ воеводами въ Астрахани, 4 сентября, не выдавъ всѣхъ струговъ и пушекъ, онъ отплылъ на Донъ.

По пути онъ безчинствовалъ въ Царицынѣ, гдѣ отодралъ мѣстнаго воеводу Унковскаго.

Диктатура Разина на Дону и подготовка возстанія.

На Дону Разинъ построилъ себѣ городъ Кагальникъ и произвелъ нѣчто въ родѣ дѣлежа казацкой земли: въ Черкасскѣ старой казацкой арміей продолжалъ командовать Корнило Яковлевъ, Кагальникъ былъ резиденціей новаго донскаго диктатора,—„побѣдителя Персіи“. Далеко вокругъ разнеслась слава о Степанѣ Тимофеевичѣ, и сюда на Донъ со всѣхъ сторонъ посыпала къ нему голытьба. Когда онъ пришелъ изъ Царицына, у него было 1500 чел., черезъ мѣсяцъ въ его войскѣ насчитывалось уже 2700 чел. На Дону Разинъ воздерживался отъ всякаго грабежа. „Онъ былъ для всѣхъ щедръ и привѣтливъ, раздѣлилъ съ пришельцами свою добычу, одѣлялъ бѣдныхъ и голодныхъ, которые, не зная куда дѣться, искали у него пріюта и ласки. Его называли батюшкой, считали чудодѣемъ, вѣрили въ его умъ, въ его силу, въ его счастье... Стенька будто жилъ для другихъ, а не для себя“ (Костомаровъ). Такъ составилъ онъ партію, которая могла бы стать въ уровень съ противной партіей К. Яковлева. Стенька что-то замышлялъ, обдумывалъ „и приказывалъ своимъ казакамъ безпрестанно, чтобы они были готовы“, но къ чему—никто не зналъ. Весной 1670 г. Разинъ разсѣялъ всѣ недоразумѣнія. Онъ явился со своей шайкой въ Черкасскъ въ ту самую минуту, когда Яковлевъ думалъ торжественно проводить явившагося съ милостивой царской грамотой посла Евдокимова. Онъ грубо разспросилъ посла, объявилъ его шпіономъ, посланнымъ боярами, и велѣлъ бросить въ воду. Такъ произошелъ новый разрывъ Разина съ Москвой. Съ этой поры Яковлевъ только по имени оставался атаманомъ. Толпа переходила къ Разину, онъ замѣнилъ собой Яковлева, создалъ нѣчто въ родѣ диктатуры и занялся учрежденіемъ новыхъ порядковъ, нападая особенно на духовенство, въ кото-

ромъ онъ видѣлъ тайныхъ агентовъ правительства, препятствуя возобновленію храмовъ и намѣчая очень любопытную попытку секуляризаціи. „На что церкви? Къ чему попы?—говорилъ Стенька.—Вѣнчать, что ли? Да не все ли равно: станьте въ парѣ подлѣ дерева, да пропляшите вокругъ него—вотъ и повѣнчались"! Вмѣстѣ съ тѣмъ, оказавшись во главѣ приблизительно 7000 ч., Разинъ рѣшилъ, что настало время объявить созрѣвшій въ его умѣ дальнѣйшій планъ: онъ объявилъ походъ противъ бояръ и созывалъ съ собой молодцовъ на Волгу къ Царицыну, оттуда онъ думалъ подняться вверхъ по рѣкѣ, захватить города по ея теченію, перебить воеводъ, поднять сосѣднее населеніе и идти на Москву, чтобы положить тамъ конецъ управленію бояръ, враговъ народа и царя,—таковъ былъ новый грандіозный планъ Разина, который онъ открылъ своимъ товарищамъ. Зародился ли этотъ планъ лишь въ Кагальникѣ, или онъ давно, какъ думаетъ Костомаровъ, созрѣлъ въ головѣ атамана, и все предшествующее—грабежъ Волги и персидскихъ береговъ—было лишь подготовкой къ этому предпріятію, такъ какъ Разину нужны были деньги и слава въ отечествѣ,—сказать трудно. Во всякомъ случаѣ, его первый набѣгъ на Волгу былъ походомъ „за зипунами", тогда онъ пріобрѣлъ любовь къ себѣ всѣхъ меньшихъ людей; теперь же онъ затѣвалъ анти-правительственное и анти-общественное движеніе, выводя его за предѣлы казацкаго предпріятія и включая въ него всѣ общественные низы.

Возстаніе. Ходъ операцій. Симбирское пораженіе и казнь Разина.

Начало предпріятія (1670 г.) было удачно. Разинъ взялъ Царицынъ, затѣмъ Камышинъ; астраханскій воевода Львовъ выслалъ противъ него стрѣлецкое войско, но оно, подъ вліяніемъ агентовъ Разина, передалось атаману и встрѣтило его кликомъ—„Здравствуй, нашъ батюшка, смиритель всѣхъ нашихъ лиходѣевъ".—Тогда очередь настала за Астраханью. Настроеніе въ Астра-

хани было неспокойное и ненадежное. Молодшіе люди, чернь, бѣдняки, стрѣльцы явно норовили Стенькѣ. Съ ихъ помощью Разинъ взялъ городъ, произвелъ судъ надъ людьми, избивая воеводъ, приказныхъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, сжегъ всѣ дѣла, хранившіяся въ приказной палатѣ, подѣлилъ имущество убитыхъ между казаками, приставшими къ нимъ стрѣльцами и городской бѣднотой, ограбилъ церковныя сокровища и иностранные торговые дворы и ввелъ въ Астрахани, какъ и въ Царицынѣ и въ Камышинѣ, казацкое устройство: жители получили числовое дѣленіе, общее казакамъ, на тысячи, сотни и десятки, должны были управляться кругомъ съ выборными атаманами, есаулами, сотниками и десятскими. Стенька загостился и загулялъ въ Астрахани; это было крупной тактической ошибкой и дало возможность Москвѣ собраться съ силами. Очнувшись отъ „астраханскаго безумія“, въ іюлѣ 1670 г. Разинъ, оставивъ въ Астрахани въ качествѣ замѣстителя Ваську Уса, принялся за прерванное дѣло. Но было уже поздно. Правда, обладая десятитысячнымъ войскомъ и при общей шатости волжскаго населенія, Разину удалось склонить на свою сторону Саратовъ, взять Самару, но подъ Симбирскомъ атаманъ потерпѣлъ пораженіе отъ кн. Юрія Барятинскаго съ его новыми солдатскими полками иноземнаго строя. Симбирская битва была ва-банкомъ „воровского атамана“. Пошли неудачи, обаяніе личности Разина исчезло. Его дѣло рушилось, мятежъ не пошелъ далѣе. Самъ онъ бѣжалъ, напрасно искалъ убѣжища въ Самарѣ, Саратовѣ. Такъ онъ достигъ Дона. Но тамъ къ этому времени одержалъ верхъ К. Яковлевъ, подкрѣпленный къ тому же 1000 присланныхъ изъ Москвы рейтаръ и драгунъ. Стенька съ братомъ Фролкомъ попали, повидимому, въ засаду и были выданы Москвѣ, гдѣ 6 іюня 1671 г. на Лобномъ мѣстѣ закатилась навсегда звѣзда Разина. Его четвертовали.

Кульминаціонный пунктъ возстанія. Общественные элементы, принимавшіе участіе въ движеніи Разина. Районъ, захваченный этимъ движеніемъ, и подавленіе возстанія.

Но до симбирскаго пораженія былъ моментъ, когда дѣло Разина приняло угрожающіе размѣры. Это было послѣ первоначальнаго отступленія Барятинскаго. Тогда подъ вліяніемъ „прелестныхъ писемъ“, во множествѣ разсылаемыхъ стенькой, запылало заревомъ мятежа все громадное пространство между Окой и Волгой на югъ до саратовскихъ степей, а на востокъ до Рязани и Воронежа. Возмутители бродили партіями и поднимали народъ. Какъ одинъ человѣкъ, возстали крестьяне помѣщичьи, вотчинные, монастырскіе, дворцовые, тяглые; они умерщвляли своихъ господъ, приказчиковъ и начальныхъ людей, называли себя казаками и, составляя шайки, шли дѣлать то же у сосѣдей. Инородческое населеніе—мордва, чуваши, черемисы, поднялось на сѣверѣ отъ Симбирска. Въ мятежѣ приняли участіе калмыки, башкиры и небольшими партіями татары. Они собирались въ шайки подъ начальствомъ русскихъ и дѣйствовали рука объ руку съ ними. Въ городахъ „приставальщиками“ къ „воровскому“ движенію оказывались меньшіе люди, общественные низы. Съ ихъ помощью сдавались города; не было пощады воеводамъ и приказнымъ; гибель постигала тѣхъ, кто не шелъ съ бунтовщиками. Разинское настроеніе было въ этотъ моментъ неотразимо, оно сплотило воровскихъ казаковъ, городскіе низы и сельчанъ; этнографически оно охватило русскихъ и инородцевъ. Оно всецѣло захватило даже иныхъ церковно-священно-служителей; такъ, напр., попъ Савва да 18 крестьянъ изъ разныхъ селъ, приставъ къ казакамъ, бились со служилыми государевыми людьми, „бунты многіе заводили, домы грабили и многимъ женскому полу чинили наруганіе, а иныхъ запытали до смерти“. Имя батюшки Степана Тимоѳеевича неслось все далѣе и далѣе, возжигая отвагу и дерзость. Алатырскій, Саранскій и др. уѣзды были разорены, у Нижняго центромъ движенія стало с. Лысково, отсюда былъ осажденъ и взятъ Макарьев-

скій монастырь, на Окѣ первой взбунтовалась вотчина кн. Одоевскаго, пристали къ движенію Арзамасъ, Пенза, Тамбовъ, возстаніе перекидывалось въ районъ Слободскихъ полковъ, а на сѣверѣ волновался Галицкій уѣздъ. Волненіе достигло Соловецкой обители, гдѣ собралось къ тому времени скопище раскольниковъ, возбужденныхъ толками Лазаря и Аввакума. Казаки Разина проникли сюда, отстранили иноковъ отъ дѣлъ, избрали начальниками свою братію—Ѳаддейку Кожевника да Ивашку Саранова и не только учили не повиноваться церкви, но и не считать царя государемъ. Хуже всего, что уже и въ самой Москвѣ поговаривали, что Стенька вовсе не воръ, и что, когда онъ придетъ къ Москвѣ, то народъ долженъ встрѣтить его съ почестями, хлѣбомъ-солью. Послѣ пораженія подъ Симбирскомъ началось подавленіе возстанія. Оно шло быстро, такъ какъ сказывалось отсутствіе твердой организаціи и дисциплины у возставшихъ Особенно упорное сопротивленіе оказалъ Арзамаскій уѣздъ. Расправа была безпощадна; вѣшали, жгли, сажали на колъ, ссылали. Въ продолженіе 3 мѣсяцевъ въ Арзамасѣ, если только вѣрить современникамъ, казнили 11,000 чел. „Какое у васъ было намѣреніе?“—спрашивали на пыткѣ вожаковъ,—и всѣ въ одинъ голосъ говорили: „хотѣли мы Москву взять, и васъ всѣхъ, бояръ, и дворянъ, и приказныхъ людей, перебить на смерть“.

Цѣли движенія.

Итакъ, одной изъ цѣлей разинскаго движенія было „вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ“, или, по выраженію другого прелестнаго письма, всѣхъ „мірскихъ кровопивцевъ“, т. е. представителей правящаго и состоятельнаго классовъ. Такимъ образомъ, движеніе носило соціальную окраску. Это было въ полномъ смыслѣ всероссійское поголовное истребленіе воеводъ, помѣщиковъ и богатыхъ купцовъ. Но кромѣ этой отрицательной тенденціи изучаемаго движенія, въ немъ была и положительная сторона.

Новый соціально-экономическій распорядокъ, выдвигаемый Разинымъ.

Разинъ не только разрушалъ старый порядокъ, но и вводилъ новый. Раздѣлъ имущества высшихъ классовъ между неимущими, обездоленными и введеніе казацкаго устройства съ обращеніемъ всего народа въ вольныхъ казаковъ, т. е. всеобщая воля, казацкое устройство и управленіе, имущественное равенство,— вотъ главнѣйшіе устои разинской программы. Эта программа совпадала съ понятіями и вкусами низшихъ классовъ, вызывала народную симпатію главнымъ образомъ потому, что несла съ собою волю: освобожденіе городскихъ черныхъ людей отъ тяжелыхъ финансовыхъ повинностей, отъ произвола приказно-воеводскаго управленія, отъ притѣсненія богачами-купцами; освобожденіе боярскихъ людей и крестьянъ отъ холопской и крѣпостной зависимости, освобожденіе всѣхъ, подпавшихъ подъ тотъ или другой гнетъ въ боярско-владѣльческомъ царствѣ (Θирсовъ). Такъ, Разинъ былъ выразителемъ оппозиціоннаго настроенія массъ, его идеалъ совпадалъ съ идеаломъ этихъ массъ, отсюда размѣръ и успѣхъ разиновщины.

Политическая программа Разина и его отношеніе къ царю и патріарху.

Не такъ отчетлива была политическая программа Разина, его отношеніе къ царю и высшей церковной власти. Разинъ говорилъ, что онъ не хочетъ быть царемъ, а стремится только къ добру и пользѣ для всего народа. Но отстраняя отъ себя шапку Мономаха, Разинъ не отдавалъ себѣ отчета въ томъ, какъ онъ поступитъ съ царемъ на Москвѣ. Вѣроятно, онъ предоставлялъ это рѣшить будущему. А пока, самъ довольно безразличный къ царской власти, говорившій про царя такія рѣчи, „что и помыслить страшно“, хвалившійся, что онъ сожжетъ „на верху у государя“ всѣ дѣла, Разинъ искусно пользовался уваженіемъ народа къ царской особѣ. Онъ распространялъ слухи, что бьется за государя противъ измѣнниковъ-бояръ; потомъ, когда были двинуты противъ него царскія войска, онъ изготовилъ два судна: одно было покрыто краснымъ, другое чернымъ бархатомъ. О первомъ „стенькины пре-

лестники распространяли слухъ, будто въ немъ находится сынъ Алексѣя Михайловича, царевичъ Алексѣй, умершій въ томъ году. Царевичъ, говорилъ Разинъ, бѣжалъ отъ суровости отца и злобы бояръ, и теперь онъ идетъ возводить его на престолъ. Самъ индифферентистъ въ вопросахъ вѣры, Разинъ учитывалъ религіозное настроеніе народа, потому онъ связывалъ свое дѣло съ дѣломъ Никона. Въ другомъ суднѣ, какъ говорили его прелестники, находился низверженный царемъ патріархъ Никонъ. Но это не мѣшало агентамъ Стеньки въ другихъ случаяхъ проповѣдывать *полное* уничтоженіе властей; въ одномъ мѣстѣ они ополчали православныхъ за гонимаго патріарха, въ другомъ подущали старообрядцевъ враждой противъ нововведеній, за которыя обвиняли тогда патріарха. Всѣ партіи, всѣ вѣрованія, всѣ страсти затрагивалъ въ тактическихъ соображеніяхъ Разинъ. Одно было ясно, что новый порядокъ онъ думаетъ вводить помимо царя, силами возставшихъ.

Причины неудачи разинскаго движенія и его вліяніе на народную психологію

Однако эта программа, образовать вмѣсто Московскаго государства гигантское казацкое общество, гигантскій казацкій кругъ съ его уравнительной тенденціей—стояла въ противорѣчіи съ буржуазными инстинктами всѣхъ мало-мальски обезпеченныхъ общественныхъ элементовъ государства, не согласовалась даже съ фактическимъ состояніемъ домовитаго казачества; потому движеніе Разина въ обществѣ, построенномъ на соціальномъ неравенствѣ, заранѣе было обречено на неудачу. Это во-первыхъ, во-вторыхъ, въ казацкомъ устройствѣ Разина, въ этой идеѣ раздѣла богатствъ и круга не было созидательныхъ движущихъ началъ,—стихіи вѣчевой вольницы были давнымъ давно угасшей стариной, а новаго устройства казаки не могли придумать. Въ-третьихъ, въ самомъ движеніи отрицательныя тенденціи его превалировали надъ положительными. Потому эпоха С. Разина, кровавая, громкая‘ блестящая, приведшая въ ужасъ и ожиданіе—по сло-

вамъ современника—не только Московское государство, но и всю Западную Европу, „пронеслась безплодно, какъ метеоръ, многообѣщавшій, но не выполнившій этихъ обѣщаній“. Но въ душѣ народа она оставила неизгладимый слѣдъ несбывшихся надеждъ и не поддающихся рѣшенію вопросовъ жизни. Народъ мучился, болѣлъ Степаномъ Тимофеевичемъ. „Стенька, говорилъ Костомарову царицынскій старожилъ, это мука мірская! Это кара Божія! Онъ придетъ, непремѣнно придетъ, и станетъ по рукамъ разбирать... Ему нельзя не придти. Передъ суднымъ днемъ придетъ. Не дай, Господи, всякому крещеному человѣку дожить до той поры, какъ опять придетъ Стенька!“.

Е. Сташевскій.

ONR-44614